

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 62-63

III-IV — 1961

LE MESSENGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная Коллегия:

Франция: Прот. Василий Зеньковский, К. А. Ельчанинов, И. В. Морозов, Н. А. Струве. Америка: Прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская.

№ 62-63. СОДЕРЖАНИЕ III-IV 1961

1. Заключительное слово Всеправославного Совещания на острове Родосе 24-30. IX. 1961. 1
2. Всеправославное совещание делегатов автокефальных и автономных Православных Церквей на острове Родосе. — И. В. Морозов. 3
3. На Родосе — Свящ. А. Трубников. 5
4. О Совещании на Родосе — о. А. Венгер. 7
5. После Родосского Совещания — Свящ. К. Фотиев. 17
6. Жива ли вера в Советской России? — К. Ельчанинов. 25
7. Гонения на Церковь в Советской России — Н. А. Струве. 28
8. Се Аз с вами... 33
9. Современное положение антирелигиозной пропаганды в С. С. С. Р. — П. А. Струве. 36
10. Пневматология единства — Архиеп. Иоанн Сан-Францисский. 39
11. О понятии первенства в Православной Экклесиологии (окончание). — Прот. А. Шмеман. 51
12. Англо-русский съезд в лагере, Р. С. Х. Д. — В. К. 65
13. Второй международный съезд ученых, посвященный изучению Нового Завета. — Прот. В. Родзянко. 67
14. Святая Земля — наша общая духовная родина — А. В. Морозов. 75
15. Программа работы Р. С. Х. Д. 76

Подписная плата на год: 10 н. ф. С целью поддержки: 15 н. ф. Подписная плата на «Le Messager Orthodoxe» de l'A.C.E.R. de langue française 10 н. фр.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C. C. P. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres. Paris 15.

4 Nos. par an. Abonnement annuel: 10 n. f. Prix du No. 2,50 n. f. Adresse de la rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres. Paris 15. France.

БИБЛИОТЕКА
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
Н. РАДИЦЕВСКАЯ, 2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВСПРАВОСЛАВНОГО СОВЕЩАНИЯ НА ОСТРОВЕ РОДОСЕ 24-30. IX. 1961.

Слава Святой и Единосущной и Животворящей и Нераздельной Троице.

Братья и чада в Господе возлюбленные, благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми Вами.

Ныне, когда Архипастырь Христос благоизволил нам, представляющим Поместные Святыя наши Церкви, собраться на сем богохранимом острове Родосе, чтобы, в меру наших сил, провозгласить миру доброе свидетельство Единой и Нераздельной Церкви, чтобы явить также и наше единство и тем самым ответить нарочитому назначению и цели настоящего Совещания, ныне мы, в смирении духа и со всяким благорасположением, обращаемся ко всем, после благополучного завершения настоящего Собрания, которое Бог собрал и благословил, в сознании нашей великой ответственности перед Богом и людьми.

Мы удостоверяем, что, в духе братского согласия, мы рассмотрели темы, подлежавшие нашей ограниченной здесь ответственности, и единогласно установили список тем к обсуждению будущим Пред-Соборным Совещанием (Про-Синодом), тех тем, которые уже давно стоят перед сознанием Поместных Православных наших Церквей и христианского мира вообще, и которые нашли свое выражение в указанном списке, чтобы быть изученными и рассмотренными с должным вниманием на предстоящем нашем Пред-Соборном Совещании (Про-Синоде), и чтобы получить, по благоволению Божию, решение и оформление, благое и окончательное, на должествующем быть собранным Вселенском Собрании.

Сам факт нашего здесь Совещания был многозначительным.

Мы никогда не теряли из вида основную мысль и убеждение, что всюду взоры чад нашей Церкви, а также и внимание всего Христианского мира, были устремлены на нас и на наше дело. Впервые, после очень долгого периода, Православие было собрано на Совещание, столь ярко свидетельствовавшее о его полноте. В течение всех дней, мы, представители Церквей, глубоко осознали значение этого события, а также и нашу ответственность перед лицом мира, полного ожидания. Мы покидаем сие Собрание, укрепленными в нашей вере и

БИБЛИОТЕКА-ССРД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЦЕВСКАЯ 2
4001376

уверенными в силе единства нашей Святой Православной Церкви. Нашей целью было осознать ответственность Поместных наших Церквей, в настоящие времена, выяснить вопросы, которые ставятся в жизни верующих наших и человечества в целом, и мы можем уверить всех, что Православие в полной мере сознает свою ответственность и свой долг во всех этих вопросах.

Мы верим, что Сестры Православные Поместные Церкви, храня спасительную веру отцов наших, пребывают в единстве, образом которого является, в Божестве, таинственное и превосходящее единство Всесвятой, Единосущней, Единодержавной и Сопрестольной Троицы. Сие Единство, внутреннее и непоколебимое, было также явлено нашей Православной Церковью в настоящем историческом моменте.

Образ бытия Церкви на земле знаменуется единством в любви, исполнением «новой заповеди» (Ио. 13, 34), данной Господом, Который от Божественной Своей силы даровал нам все потребное для жизни и благочестия (2 Петр. 1, 3).

Церковь наша — не стены и крыша, а вера и жизнь. Духом Святым, в Церкви и через Церковь, оживотворяется душа всякого человека; Духом Святым Церковь возвещает благовест на земле, мир Христов и «совершает примирение», как то говорит божественный апостол языков Павел (2 Кор. 5, 18).

Призванные сегодня, более чем когда-либо, к исполнению закона Христова, к несению тягот друг друга и к достойному житию «в доме Божиим, который есть Церковь Бога Живого» (1 Тим. 3, 15), мы верим, что шествование наше будет сегодня и в будущем тем же, что и в прошлые великие века истории нашей Церкви, шествование устройства и укрепления единого Тела Христова, «для искупления удела Его, в похвалу славы Его» (Еф. 1, 14).

Итак, в сознании нашей великой ответственности пред Богом за души всех людей, живущих на земле, сотворенных от единой крови и находящихся под покровом Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, для исполнения заповеди любви, данной Господом, мы, именем Его, молим вас всех, братьев близких и дальних: «имейте мир между собой» (Марк 9, 50), мир Христов, мир Бога нашего, превосходящий всякий разум.

Укрепленные молитвой и пожеланиями наших Церквей, их досточтимых Архипастырей и всей паствы, благочестивого духа которых мы являемся носителями и глашатаями, мы

приветствуем также в любви всех наших братьев древнего Востока, с которыми мы связаны долговечными и непрерывными узами сродства душ и мысли, и братьев Запада, с которыми мы непрерывно сотрудничали ради исполнения заповеди Господней: «Да будут все едино», заповедь, об исполнении которой наша Святая Церковь непрестанно молится.

Ко всему этому, взирая на Совершителя веры, Господа нашего Иисуса Христа, мы высказываем надежду, что Он сохранит и нас, и весь мир Свой, в любви Своей и в благодати, и молимся, чтобы Начальник мира, Христос, хранил нерушимыми мир на земле и благоволение в людях. Любовь изгоняет страх. Господь Бог спасает Свою Церковь.

«Да будут с вами, братья, милость, благодать, мир от Бога Отца и от Сына Его, Иисуса Христа, в истине и любви» (2 Ио. 1, 13).

А м и н ь .

ВСЕПРАВОСЛАВНОЕ СОВЕЩАНИЕ ДЕЛЕГАТОВ АВТОКЕФАЛЬНЫХ И АВТОНОМНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ НА ОСТРОВЕ РОДОСЕ

С 24 по 30 сентября с. г. съехались на острове Родосе, по инициативе Вселенского Патриарха Афинагора, делегаты автокефальных и автономных Православных Церквей для предварительных переговоров по вопросу созыва всеправославного пред-Соборного Совещания, задачей которого является решение наиболее неотложных и существенных вопросов, поставленных жизнью перед сознанием всей Православной Церкви.

Совещание на о. Родосе имело своей целью установление основных вопросов, которые ждут своего решения усилиями и общим согласием всех автокефальных и автономных Православных Церквей. Инициатива Константинопольского Патриарха Афинагора, ищущая решения вставших вопросов путем привлечения всех Православных Церквей как к обсуждению их, так и к принятию окончательных решений при участии ответственных и наиболее испытанных и умудренных в церковном служении сил, не может не вызвать всеобщей радости и одобрения у православных людей. Цен-

но именно то, что Патриарх Афинагор проявил не только усилие, но и исключительное умение воплотить в историческую реальность принцип соборности, столь дорогой православному сознанию. То, о чем веками мечтали лучшие представители Православной Церкви, стало историческим фактом. Как будто бы мы стоим накануне того, когда будут решаться трудные, наиболее неотложные вопросы, терзавшие своей неразрешимостью сознание членов Православной Церкви. Это необычайно окрыляет, вдохновляет и в то же время требует осознания предельной ответственности каждого из нас за эти решения. Хочется верить, что на предстоящем всеправославном пред-Соборном Совещании те, кому будет вверено решение вопросов, будут искать решения их, исходя из верности **только Христу**, а не будут озира́ться на скрытые и прикровенные требования сильных мира сего. Если же делегаты Автокефальных Церквей в своей будущей работе не смогут не считаться с пожеланиями сильных мира сего, то тогда решения и постановления предстоящего Всеправославного Совещания потеряют свое подлинное церковное значение. Собор приобретет свое всеправославное значение, если он явится выразителем только Правды Христовой во всей неукоснительной и всесторонней верности ей. К сожалению, Совещание на Родосе уже посеяло некую тревогу, когда мы узнали (правда только из газетных сообщений) о том, что делегатами Русской Церкви был снят вопрос о христианской миссии и вопрос о методах борьбы с современным атеизмом. Невольно встает вопрос: пришло ли время для созыва всеправославного собора, если некоторые Автокефальные Церкви, по тем или иным причинам, лишены возможности **свободно обсуждать** некоторые темы, касающиеся жизни Церкви.

К сожалению, не имея еще подлинных документов Совещания на Родосе, мы лишены возможности дать анализ работам его, к чему мы вернемся в следующем номере, но принимая во внимание, что интерес ко всему там происходившему большой, мы и решили, на страницах нашего журнала, поместить личные впечатления о Совещании православного священника о. А. Трубникова, и католического священника о. Антуана Венгера, редактора газеты "La Croix".

И. Морозов

НА РОДОСЕ

... Первые 2½ дня делегаты выслушивали различные приветствия, составляли ответные телеграммы, обсуждали вопрос о председателе Совещания, выбирали комиссии и разрабатывали распорядок работ комиссий.

На основании усиленно циркулирующих слухов, подтвержденных недоговоренными намеками членов Совещания, выяснилось, что вопрос о председателе занял три заседания. Делегаты Московской Патриархии предлагали и настаивали на избрании путем голосования председателя, с чем не соглашалась половина делегатов. В конечном счете председательствовал престарелый Митрополит Филипполи и Неаполис Хризостом, глава делегации Константинопольского Патриарха.

Лишь в среду днем собрались комиссии, причем 5-ая и 6-ая (т. е. комиссии, разрабатывающие вопрос о сношении с Восточными и Западными Церквями) в среду же вечером окончили свои труды. В четверг они пригласили на свои заседания представителей этих Церквей, которые присутствовали на Родосе по приглашению Константинопольского Патриарха. В субботу состоялось открытое заседание, на котором огласили послание Совещания.

Что же в конечном счете дало Совещание, которое вызвало столь большой интерес, о котором в течение двух лет писали самые видные и серьезные газеты, не говоря о специальных церковных периодических изданиях?

В официальном циркуляре, разосланном всем участникам съезда и представителям печати, в § 1-м указывалось, что цель Совещания заключается в окончательном установлении повестки будущего пред-Соборного Совещания. Таким образом Родосскому Совещанию надлежало рассмотреть список вопросов, подлежащих обсуждению про-Синода. Список был составлен специальной комиссией при Константинопольском Патриархе и утвержден святейшим Синодом 4 мая 1961 года. Все вопросы разбиты были на восемь глав: «Вера и Догматы» (среди вопросов: о Священном Писании, Церковь), «Культ» (Типикон, церковное искусство...), «Церковная дисциплина» (каноны, церк. суд. Епископ, монашество, посты, календарь), «Взаимоотношение Церквей» (среди вопросов: Православие и эмиграция), «Отношение Прав. Церкви к остальному христианскому миру» (Армяне и др. Восточные Церкви, католики, протестанты, старо-католики), «Православие в мире» (укрепление православия, паломничества, миссионерство), «Икономия» (среди вопросов — способы борьбы с безбожием,

атеизмом, теософией, спиритизмом, масонством и др.), «Социальные вопросы» (деторождение, искусственное зачатие и др.).

Эти восемь глав обсуждались шестью комиссиями: 1. Вера и Культ; 2. Административное устройство и положение Церкви в мире; 3. Связь Православных Церквей между собой; 4. Богословские вопросы и особые задачи; 5. Связь Православной Церкви с Восточными Церквями (Сирийской-Яковитской, Коптской, Эфиопской, Сиро-Малабарской) и 6. Связь Православной Церкви с Западными Церквями (т. е. католиками, протестантами и старо-католиками).

Председателями этих комиссий были главы делегаций Патриархов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, Московского, Сербского и Румынского. Вице-председателями были главы делегаций от Болгарской Церкви, Кипрской, Греческой, Польской и Чешской.

... От съезда многие ожидали, если не полного единения, то хотя бы более тесного сближения с Армянами и Абиссинской Церковью. Статьи в греческом официальном органе «Экклезия» и в Журнале Московской Патриархии давали на это повод к надеждам. Официальное сообщение оповестило нас о том, что пятая комиссия встретила с представителями Восточных Церквей и обменялась с ними мнениями. Из разговора с различными Епископами-делегатами поместных православных Церквей мне удалось узнать, что, «хотя копты, сирийцы и армяне считают себя православными, Богословие их еще недостаточно глубоко проработано и осознано правильное понимание Богочеловечности Спасителя нашего, определенного 4-м Вселенским Собором».

Можно и должно приветствовать совместные службы, встречи представителей поместных Православных Церквей, и совместное обсуждение вопросов, имеющих общий интерес. Должно радоваться всяческому проявлению стойкости и верности Преданию, переданному нам Церковью первых веков (каковая стойкость и верность является по моим наблюдениям наилучшим миссионерским аргументом в пользу Православия).

Но должно также отметить факт, далеко не возвышающий Церковь, факт, наглядно показывающий степень пленения большей части Православных Церквей. Эта степень пленения сказывалась во многом, но особенно ярко в том, что вопрос о способе борьбы с безбожием, атеизмом и др. учениями был изъят из списка вопросов, подлежащих обсуждению про-Синода. Таким образом, именно тот вопрос, который острее всего стоит перед всем христианским миром, да и перед всем миром вообще, признан был

как не актуальный. Понятно после этого, что ничего Совещание не сказало о коммунизме.

Всем стало известно, что вышеуказанное изъятие было сделано по настоянию Московской делегации. Стало также известно, что свободный мир все же не пошел на внесение в список вопросов борьбы с колониализмом.

Из этого вытекает еще другое заключение: раз свободные православные Церкви из жалости к своим плененным братьям пошли на то, чтобы молчать по самым животрепещущим вопросам современной жизни, то Совещание сентября 1961 года было не своевременным, как будут не своевременны все последующие Совещания, могущие быть созванными пока существует коммунистическая тирания.

Обращение Совещания отражает дух несвободы, характеризующий Совещание. *)

Свящ. А. Трубников

О СОВЕЩАНИИ НА РОДОСЕ.

Редакция «Вестника» помещает в сокращенном виде большой репортаж о. А. Венгера, помещенный в газете «La Croix» от 19 по 26 октября сего года.

В своей статье о. А. Венгер пишет:

«... Митрополит Константинопольский (Секретарь Совещания на Родосе) в вступительном слове изложил цели Совещания и подчеркнул, что не внешние влияния послужили толчком для его созыва. Созыв Совещания есть, наоборот, проявление жизненных сил в православном мире, есть почин Патриарха Вселенского, который сумел собрать эти силы и дать им нужное направление».

В обращении митрополита заслуживают внимания: его определение Православия, перечень предстоящих Православию задач и его предостережение против неправильных суждений о Православии. Он указал, что не следует считать, что Православие застыло в неподвижности после семи Вселенских Соборов, как будто не было, после 8-го века, никакой богословской мысли ни духов-

*) Полный текст этой статьи см. в «Русской Мысли», № 1750 от 21-го октября 1961 г.

ной жизни на Востоке и в России, а также, что не следует думать, что множественность и разнообразность Православных Церквей мешают осуществлению единства Православия. В частности, митрополит заявил: «Элементы единства и единения в Православии несомненно сильнее того или другого из внешних факторов различий: единство веры, предания и богослужения, единство в сознании себя православными, единство в системе автокефальных Церквей, общей всему Православию»...

«... В числе конкретных задач, стоящих перед Православной Церковью, митрополит Константинопольский указал на необходимость укрепить внутреннее единство, оживить церковную жизнь каждого христианина и всех — путем движений, социальных начинаний, попечения о душах людей и т. д. Православная Церковь должна осознать также свою ответственность перед лицом экуменического движения». В частности, по этому поводу, митрополит Константинопольский сказал: «Вокруг нас зарождается столько брожений, вокруг нас рождается столько движений, ставится столько вопросов, которые надо решить, усилия к единству Церквей и церковных организаций столь значительны, ожидание людей столь живо, добрая воля людей столь умножилась, что Православная Церковь не может остаться глухой, не может остаться бездейственной, не может не иметь инициативы; она должна прокладывать путь, предлагать решения, давать благие примеры и провозглашать свое учение». Мы узнаем тут тезисы Патриарха Афинагора добавляет о. А. Венгер.

«... Торжественное богослужение, совершенное пополудни в воскресенье 24 сентября, окончательно выявило духовную атмосферу Совещания. Один за другим каждый из 13-ти глав православных делегаций, произнес слово... Речи произносились (без перевода) по-гречески, по-русски, по-арабски, по-английски. Первые обращения (Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим) содержали лишь общие мысли. Но когда архиеп. Никодим, глава русской православной делегации, появился на амвоне, собрание очнулось. Этот молодой архиепископ не может оставить слушателя безучастным. Его голос, соответствующий его личности, силен, ясен, властен. Говорил он о необходимости усиления единства Православной Церкви. В прошлом, по его мнению, противоестественные отношения между Церковью и государством стесняли Церкви и мешали им возвышать свой голос. Сегодня это препятствие не существует и можно надеяться на плодотворное сотрудничество между Церквами и на действенное усилие всех в пользу мира».

Выступление Югославянской Церкви вызвало особое внимание. Дамаскин, архиеп. Загребский, призывал в очень ириническом тоне к исканию путей к единству (включая и католическую) всех Церквей.

Малочисленная Польская Церковь (она насчитывает всего лишь 100.000 верующих) проявила некую суровость в своем выступлении. Митр. Варшавский, возведенный на кафедру несколько недель тому назад, счел нужным говорить о насилиях, которые его Церковь претерпела со стороны католиков и униатов.

Представитель Чешской Церкви, епископ Пряшевский Дорофей, советский подданный, напомнил об испытаниях, порожденных немецкой оккупацией, и о стремлении немецкого Запада «разложить православную Церковь в Чехословакии». Церковь эта состоит на две трети из бывших католиков, принадлежавших к старой униатской пряшевской епархии (350.000 верующих). Автономию Чешской Православной Церкви, провозглашенную в 1952 г. Московским Патриархом, Патриарх Константинопольский до сих пор не признал. Несмотря на это Чешская Церковь прислала двух делегатов, которые приняли участие в Совещании с правом решающего голоса.

После выступлений глав православных делегаций в свою очередь выступили с приветствиями и «наблюдатели» приглашенных Церквей: армянский епископ в Париже, представители коптской, сирийской-яковитской, южно-индийской, сиро-малабарской Церквей. Иерусалимский англиканский епископ говорил от имени англиканской Церкви. Rev. Francis House передал членам Совещания молитвенные пожелания успеха от имени Всемирного Совета Церквей. Католики, присутствовавшие на собрании, остро пережили отсутствие официальных наблюдателей с их стороны...

В начале работ Совещания был поднят вопрос о председателе. Отец Антоний Венгер напоминает читателям о древнем в Церкви установлении первенства Патриарха Константинопольского в ряду других Патриархов и епископов Православной Церкви.

«На деле, пишет о. А. Венгер, Константинополю не только принадлежит инициатива по созыву Совещания; Вселенский Патриарх послал также всем Церквам и список вопросов к обсуждению. Вселенский Патриарх назначил и председателя Совещания, поручив эту деликатную миссию благородному старцу, митр. Хризостому».

Дальше автор статьи уточняет, что русская делегация предложила, в случае невозможности константинопольским представителем выполнять принадлежащее ему по праву председательство, назначать заместителя председателя поочередно, соответственно древнему порядку чести автокефальных Церквей. Митр. Хризостом остался тверд на позиции первенства Вселенского Патриарха. В этом вопросе «Русские и с ними Румыны присоединились, в конце концов, к общему мнению. В свою очередь, они выдвинули контр-предложения в дополнение к программе, составленной Константинополем. Эти дополнительные предложения, представленные Русской делегацией, приняли форму настоящего контр-проекта. Действительно, архиеп. Никодим прочел длинную речь, повторяя тезисы, развитые им от имени Русской Православной Церкви на Всехристианской Конференции мира в Праге. В частности, он объявил, что Церкви должны предпринять конкретную борьбу за мир и за разоружение, осудить колониализм и содействовать полному освобождению еще поработенных народов. Даже по поводу Берлинского вопроса он счел нужным призывать Церкви к деятельной ликвидации всех трудностей, возникших в результате последней войны, а также к созданию необходимой почвы для мирного сожительства». Далее архиеп. Никодим сказал, что Русская Церковь относится сочувственно к идее воссоединения Церквей, но что она не может допустить того, чтобы некоторые круги на Западе, в частности Ватикан, монополизировали бы в свою пользу стремления к единству и пользовались бы ими в целях идеологической борьбы против стран, стремящихся к осуществлению демократии.

Автор статьи утверждает, что, хотя собрание было и закрытым, многие имели возможность прочесть речь архиеп. Никодима в тот же вечер. Афинская газета «Акрополис» опубликовала иностранные из нее выдержки. Слова русского иерарха произвели большое впечатление и вызвали оживленный спор.

«Что касается моего мнения, пишет о. А. Венгер, то, когда я прочел отчет Пражской Конференции, а также и текст речи на Родосском Совещании, я не смог не констатировать, что и тут и там выступают многие тезисы советской пропаганды, облеченные в язык Церкви. Из этого я заключаю, что необходимо разоблачать принудительное лицемерие, навязанное властью. Но, вместо того, чтобы возмущаться, следует проявить сострадание к испытаниям Русской Церкви, которая лишена возможности откровенно высказываться. Когда я перечитываю в Париже атеистические книги и брошюры, когда я вижу нападки на Церковь, когда я ду-

маю, какую ценой она заплатила за несколько смелых публичных заявлений — тысяча церквей и три семинарии закрыты вследствие публичного отлучения Осипова от Церкви, — я убеждаюсь, что только с чувством любви возможно проникнуть в тайну Русской Церкви, которая, без сомнения, есть тайна скрытых страданий. К несчастью, слишком многие относятся с доверием к заявлениям, утверждающим, что Русская Церковь не страдает от режима, который, в действительности, ее угнетает».

При выборе председателей Комиссий Русская Церковь получила некую компенсацию. Две Комиссии, в которых могли встать особо острые вопросы, были поручены двум особо ярким делегатам — архиеп. Никодиму и митр. Юстину Румынскому [четвертая Комиссия по современным и социальным вопросам (Москва) и шестая Комиссия по вопросу сношений с иными христианскими вероисповеданиями (Румыния)].

Кроме того, интересно отметить, что по инициативе Константинополя Совещание установило, для проведения работ Комиссий, правило, требующее единогласного решения всех вопросов, причем каждая Церковь имела право наложить veto, через посредство своего делегата в Комиссии, на любой вопрос, обсуждавшийся в каждой Комиссии.

Было установлено шесть Комиссий:

- 1) Вера и культ под председательством делегата Александрийской Церкви;
- 2) Административное устройство и положение Церкви в мире (Антиохийская Церковь);
- 3) Связь Православных Церквей между собой (Иерусалимская Церковь);
- 4) Современные проблемы и социальные задачи (Русская Церковь);
- 5) Связь Православной Церкви с Восточными Церквями (Сирийской-Яковитской, Коптской, Эфиопской, Сиро-Малабарской) (Сербская Церковь);
- 6) Связь Православной Церкви с иными христианскими вероисповеданиями (Румынская Церковь).

**

Автор указывает, что среди вопросов, поставленных в Комиссиях, стоял вопрос о возможности брака после рукоположения и второго брака для священнослужителей. Это предложение получило твердый отпор со стороны Эллинской Церкви и не было включено в повестку.

...По вопросу о внешнем облике священнослужителей выявились две тенденции: одна, стремящаяся сохранить внешний облик духовенства так, как он уже существовал веками, другая, стремящаяся приспособиться к условиям современной жизни. На первый взгляд спор может показаться, по существу, незначительным, тогда как на самом деле, для православных, живущих в арабских странах и в странах, находящихся под властью атеистического марксизма, внешний облик священнослужителей является и явным свидетельством их христианства.

...Интересен был разговор архиеп. Никодима с директором отдела «France-Soir» в Риме, который затронул вопрос о сокращении богослужений, а также и о модернизации внешнего облика священнослужителей. На что архиеп. Никодим резко реагировал: «Никогда! Мы — консерваторы, мы не опустим ни единой йоты из нашего богослужения. Мы не сократим служб. Хорошо так, как оно есть. Народ любит длинные богослужения, ими он питает свою веру и молитву. Верность нашему богослужению — в этом наше спасение».

Некоторые изменения были внесены в первоначальный проект делегатами Русской Церкви. Был исключен параграф о православных миссиях внутренних и внешних. Это не значит, что Православная Церковь неверна заповеди Христовой, но упоминание о миссиях для советской власти равносильно религиозной пропаганде, строго запрещенной советским законом. Зато был прибавлен новый параграф, формулировка которого более приемлема для делегатов Русской Церкви. Новый параграф предвидит объединение всех Православных Церквей для усиления проповеди христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами.

Русская Церковь стремилась получить председательство в четвертой Комиссии не без оснований. Параграф о борьбе с атеизмом и ложными учениями (теософия, спиритизм, франк-масонство и т. д.) был изъят по причинам условий жизни Православной Церкви в коммунистических странах. Зато был прибавлен новый параграф: «различные формы распространения свидетельства Православия в мире».

...Проблеме единения христианских Церквей было посвящено несколько Комиссий. Надо отметить, что тема о единении была не раз развита представителями от мирян. Мы уже указывали, что Патриарх Афинагор особенно внимательно отнесся к участию неправославных Восточных Церквей (несториане, монофизиты и т. д.). Все эти Церкви, за исключением несторианской, отозвались на приглашение Константинопольского Патриарха и присла-

ли своих наблюдателей. Главная мысль Патриарха Афинагора в этой области сводится к достижению единства веры путем общей деятельности Церквей. Автор статьи отмечает, что одним из положительных результатов Совещания несомненно является присоединение сих «меньших» и изолированных Церквей к всеобщему движению в пользу единства.

Председательство VI Комиссии, в которой изучались вопросы об отношениях Православной Церкви с Церквами на Западе, было поручено Румынскому митрополиту из Молдавии Юстину.

«Без сомнения митр. Юстин и архиеп. Никодим были наиболее яркими делегатами Церквей за железным занавесом. Величественная фигура Юстина напоминала изображения митрополитов из Молдавии и Валахии, которыми мы в свое время любовались на виньетках томов, изданных в Киеве в XVI веке. Обладая в совершенстве, кроме румынского, еще и русским, французским, немецким и, в особенности, греческим языками, он занимал центральное место в обсуждениях. По общепризнанному мнению, он настроен ярко против латинян. Его возвышение в Румынской Церкви было почти таким же быстрым, как и возвышение Никодима в России. Профессор богословия, он принял монашество, и в несколько дней был возведен в диакона, иерея и епископа.

План, представленный делегатом Константинопольского Патриарха, свидетельствовал о явной симпатии к католической Церкви. Вот текст первого параграфа:

а) Поддержание дружеских отношений, согласно духу патриаршего циркулярного послания 1920 года, и соответственно общим стремлениям к сближению и единению христианских Церквей. (Автор прибавляет от себя в скобках, что послание 1920 года было призывом Вселенского Патриарха ко всем Церквам, имевшее целью создание некоей Конфедерации Церквей. Этот документ признается одним из основоположных в Экуменическом Движении.)

б) Рассмотрение этих пунктов, в которых обе Церкви находятся в согласии, и тех, в которых они расходятся. По вопросам:

1) веры; 2) администрации; 3) церковной жизни (пропаганда, вопрос об униатах, прозелитизм).

Текст этот был изменен, даже значительно, говорит о. А. Венгер, с перестановкой двух параграфов.

Вот текст в его окончательной форме:

а) Рассмотрение тех пунктов, в которых обе Церкви находятся в согласии, и тех, в которых они расходятся:

1) в вопросах веры; 2) управления; 3) церковной жизни (в частности: пропаганда, прозелетизм, уния).

б) Поддержание отношений соответственно духу любви Христовой, в частности, согласно точке зрения, выраженной в окружном послании Патриарха Константинопольского 1920 года.

Упоминание об общем стремлении к единству, замечает о. А. Венгер, в котором можно было видеть неявно выраженный намек на будущий Собор в Ватикане, было вычеркнуто.

В отношении англиканской Церкви, Комиссия в значительной мере улучшила первоначальную схему, которая лишь перечисляла список различных вероисповеданий, вышедших из Реформы. Новый проект предвидит «изучение возможностей к установлению отношений и, в будущем, к сближению с этими Церквями, в частности с епископалами и англиканами, в свете уже существующих положительных элементов».

Отец А. Венгер считает, что такие результаты были достигнуты, благодаря тому, что англикане прислали наблюдателей, которые могли войти в контакт с членами Комиссий, и благодаря факту уже давнишних общих исканий единства. Принимая во внимание, что англиканская Церковь не связана признанием римского примата, главным затруднением между Православной и английской Церквями остается вопрос об англиканских рукоположениях. Отец А. Венгер высказывает предположение, что Православная Церковь могла бы признать эти рукоположения действительными, ради принципа экономии, как говорят православные *), тогда, когда будет достигнуто единство в вере, до сих пор еще не осуществленное.

«Окончательный проект программы уделяет также значительное место Старо-католикам и предвидит «продолжение взаимоотношений в духе обмена богословскими мнениями, которые имели до сих пор место, и укрепление стремлений, проявленных Старо-католиками в отношении единения с Православной Церковью». На Соборе Старо-католиков (150 000 верующих), который недавно имел место в Haarlem'e, епископ Утрехта, Rinkeel, заявил, что всякое догматическое препятствие к единению исчезло между Православием и Старо-католичеством.

Если Родосское Совещание имело бы место в прошлом году, как то было первоначально предвидено, обсуждение вопроса о сношениях с Мировым Советом Церквей представило бы труд-

*) Т.-е., допуская не слишком большие нарушения, ради любви и снисхождения.

ности. Они исчезли с того момента, как Русская Церковь выразила просьбу о своем вступлении в Мировой Совет Церквей. Румыны и болгары сразу-же последовали ее примеру. Константинополь и Москва по-разному оценивают деятельность Мирового Совета Церквей, но обе признают, что Православные Церкви не могут держаться в стороне от этого движения».

В обращении, посланном Мировому Совету Церквей, о. А. Венгер отмечает фразу, в которой выражено пожелание, чтобы: «усилилось свидетельство Православной Церкви во всем мире, а также и ее участие во Мировом Совете Церквей». Руководящие лица Совещания высказывали явную симпатию к наблюдателям Мирового Совета Церквей. Несмотря на это, окончательная резолюция выражена в несколько сдержанной форме.

Отец А. Венгер приводит и текст резолюции:

1) **Присутствие и участие Православной Церкви в Экуменическом Движении в духе окружного послания Патриарха 1920 года.**

2) **Изучение богословских и других вопросов, относящихся к условиям участия Православной Церкви в Экуменическом Движении.**

3) **Важность общего участия Православных Церквей в целях ориентации экуменической мысли и действий.**

По всем этим пунктам единство было достигнуто без особых столкновений. Темы, предложенные будущему обсуждению, выявляют заботу об Экуменизме в отношении всех Церквей. Если считать, что программа выражает общее мнение православия, то можно заключить, что результат достигнут положительный. Конечно, резолюции не поднялись на уровень оптимистических и обещающих деклараций Патриарха Афинагора, но они пошли дальше слов, сказанных архиеп. Никодимом в Праге и даже на Родосе. Действительно, архиеп. Никодим, во время интервью, предназначенного для американской телевидии, сказал, «что, принимая во внимание богословские положения Ватикана, Русская Православная Церковь не имеет никаких причин интересоваться собором».

По поводу своего личного разговора с митр. Юстином Румынским, и как бы в заключение, о. А. Венгер говорит:

«Многое разделяет нас, и в частности, суждение, которое я имею о Православных Церквях за железным занавесом, а митр. Ясский о Румынской Церкви и о политике Ватикана. Но мы внутренне сходимся в мольбе о великой любви и желаем всем лучших времен, когда отношения между Церквями стали-бы более свободными, а следовательно и более плодотворными».

В последней статье, посвященной Родосу, о. А. Венгер спра-

шивает себя: «Было ли собрание на Родосе, как то было сказано, историческим событием. Судя со стороны, событие было скромным; в течение 5 дней около ста делегатов обсуждали вопросы не по существу, но лишь устанавливали программу, обсуждение которой будет делом пред-Соборного Собрания. Но иной раз, история освящает события, по видимости скромные, потому что эти события несут в себе зародыши великих идей. Так будет, думаем мы, с событием на Родосе.

Собрание было в настоящий момент многозначительным, ибо оно позволило Православию осознать себя. Это самосознание нашло себе выражение в послании Собрания, текст которого навеян Иоанновским богомыслием, где дух любви уничтожает временные препятствия. В нем Православная Церковь являет себя миру, разделенному и расстроеному, знамением единства и глашатаяем любви. Она знает, что для действительности своего собственного свидетельства, она должна укрепить собственное единство. Православная Церковь, разделенная в основных вопросах, не может быть услышана, не может принести свой вклад в дело единения всех христиан. На деле, Православие сознательно берет ответственность перед своими собственными верующими, а также и перед другими христианами. Призыв Собрания принимает форму уверения в любви:

«Укрепленные молитвой и пожеланиями наших Церквей, их досточтимых Архипастырей и всей паствы, благочестивого духа которых мы являемся носителями и глашатаями, мы приветствуем также в любви всех наших братьев древнего Востока, с которыми мы связаны долговечными и непрерывными узами сродства душ и мысли, и братьев Запада, с которыми мы непрерывно сотрудничали ради исполнения заповеди Господней: «Да будут все едино», заповедь, об исполнении которой наша Святая Церковь непрестанно молится».

«Собрание Родоса многозначительно в стремлении превозмочь в плане Церковном политические разделения. Журналисты спрашивали себя, кто из двух победил: Москва или Константинополь. Оценить Родосское Собрание в таких выражениях было бы ошибкой. Мы считаем себя в праве сказать, что, действительно, первенство Константинополя утвердилось, но что и голос Московской Церкви был услышан. Если с одной стороны тезисы последней получили отклик, то с другой стороны Русские имели возможность познакомиться с мыслью других Церквей, а это было благом для всех.

Начало, положенное на Родосе, не останется без будущего.

Но в будущем могут быть трудности: мы не хотим сказать, что на Собрании единство было достигнуто только на словах; мы сознаем, что Церкви достигли соглашения в определении единой программы, но что часто разные Церкви имеют неодинаковые мнения по поводу тем, намеченных к обсуждению будущего пред-Соборного Собрания».

В качестве примера возможных разногласий о. А. Венгер приводит учение о Поместных православных Церквях. Он видит опасность для православных, опасность обособления в национальные рамки. При обсуждении станет вопрос о единстве Церкви, о первенстве, о соборности. Отец А. Венгер считает, что программа слишком обширна, Православие не располагает в настоящее время достаточными силами, чтобы проработать программу в целом. Необходимо будет сделать отбор тем.

Бог знает, когда и кем будет собрано пред-Соборное Собрание. «Говорилось, и это вероятно, что Русская Церковь желает быстрого созыва Собрания, и притом в Москве».

Дальше о. А. Венгер развивает тему о связи будущего пред-Соборного Собрания с будущим Собором католической Церкви в Ватикане. Он утверждает, что Ватиканский будущий Собор не может пройти без внимания чаяний и Православной Церкви. Церкви не могут больше развиваться независимо одна от другой. Он думает, что Ватиканский Собор будет иметь место раньше Православного будущего Собрания и будет иметь влияние на решения этого Собрания. В заключение о. А. Венгер пишет:

«Пути, ведущие к цели, усыпаны препятствиями. Но лед сломан, зима прошла, цветы взаимного уважения и любви всходят на нашей земле. Весна близка. Настало время каждому выйти из своего дома».

Свящ. К. ФОТИЕВ

ПОСЛЕ РОДОССКОГО СОВЕЩАНИЯ.

Независимо от прямых результатов Всеправославного Собрания на о. Родосе, независимо от того, суждено ли будет собраться намеченному «про-синаду», эта соборная инициатива заслуживает самого пристального внимания. Как приятие, так и отрицание этой инициативы отражает духовное состояние православия в современном мире и должно быть подвергнуто хотя бы частичному анализу. Оговоримся, что входить в детали невозможно уже потому, что ма-

териалы Родосского Совещания еще не опубликованы. Пока приходится довольствоваться предварительной информацией.

Прежде всего, неверно утверждение, что Всеправославное Совещание на о. Родосе — это первое «движение воды» после застоя, который продолжался двенадцать веков. Подобные совещания, кстати уже носившие наименование «про-синода», созывались Вселенским Престолом на Афоне в начале тридцатых годов. События, предшествовавшие второй мировой войне, и сама эта война помешали созыву Собора, подготовке которого были посвящены афонские совещания. Спустя тридцать лет православные поместные Церкви снова встали на этот прерванный путь. Сравнение Родосского Совещания с «про-синодами» начала тридцатых годов может послужить исходной позицией для наших размышлений.

Начнем с вопроса о составе делегатов. На афонских совещаниях в начале тридцатых годов Русская Церковь представлена не была, а на Родосском совещании делегация от Московской Патриархии играла видную роль. Ирония судьбы в том, что радоваться такому изменению не приходится. Оценивая работу афонских совещаний покойный проф. А. В. Карташев скорбел о том, что «временный паралич» Русской Церкви лишает ее возможности участвовать в работе совещания, но одновременно считал законной и оправданной инициативу свободных православных Церквей, которые не считали возможным откладывать соборную встречу только потому, что Русская Церковь лишена возможности в ней участвовать. Одновременно проф. А. В. Карташев с ужасом думал о возможности появления на Всеправославном Совещании или Соборе делегации от подневольной Церкви в СССР. Делегаты православных Церквей свободного мира — как писал проф. А. В. Карташев — «примут рабье, террором вынужденное заявление соборных делегатов (из СССР — К. Ф.) за чистую монету. Спаси нас Господи от такого соборного участия епископов из советской тюрьмы! Страшно подумать о нем. Будем молиться, чтобы не пришел на нас еще такой новый позор Русской Церкви» *).

Увы, нам суждено было стать свидетелями такого «нового позора», хотя есть основания утверждать, что не все из сказанного представителями Московской Патриархии было «принято за чистую монету» участниками Родосского совещания. Происшедшая за последние пятнадцать лет политическая экспансия советского блока

*) Проф. А. В. Карташев «На путях к Вселенскому Собору», ИМКА-Пресс, Париж 1932 г., стр. 36.

привела к тому, что подневольными стали делегаты не только Русской, но и Румынской, Болгарской, Польской, Чешской Церквей...

То, что участники совещания, прибывшие на о. Родос из-за железного занавеса, по меньшей мере формально, в смысле возможности для них физически присутствовать на совещании, являются «делегатами по милости Хрущева», к сожалению, сомнению не подлежит. Участие или отсутствие делегатов Московской Патриархии на межхристианских встречах зависят от очередного направления политики, проводимой советским правительством. Это проявляется с особой очевидностью на отношении Московской Патриархии к экуменическому движению. В 1948 году Московская Патриархия резко отмежевалась от экуменического движения, а 30 марта 1961 года Синод принял решение о вступлении Патриархии в Всемирный Совет Церквей. На архиерейском соборе, состоявшемся в июле сего года в Троице-Сергиевской Лавре, была сделана попытка объяснить такой поворот богословской и политической эволюцией, якобы происшедшей в лоне Всемирного Совета Церквей. Но это — не более, чем беспомощное лукавство подневольных иерархов. Никакой существенной эволюции в идеологии экуменизма не произошло. Изменились лишь методы советской политики. В 1948 году Сталин думал о захвате некоммунистического мира путем войн и переворотов, а в 1961 году Хрущев идет к той же цели путем «мирного сосуществования». Отметим мимоходом, что, начиная с мая 1960 года, политика «мирного сосуществования» идет на убыль и это, вероятно, отразится и на той свободе передвижения, которой пока еще пользуются представители Московской Патриархии.

Присутствие на Родосском совещании подневольных делегатов ограничило его возможности и снизило его положительные результаты. Именно сейчас, когда Церковь в СССР и в других странах коммунистического блока вступила в новую полосу систематических гонений, естественно было бы, казалось, ожидать от Всеправославного Совещания ясного осуждения богоборческих сил. Такое осуждение, разумеется, не означало бы безоговорочного прития какой-либо западной политической идеологии и практики, которые далеко не во всем соответствуют духу Евангелия. Но подобного осуждения на Всеправославном Совещании произнесено не было. Можно и нужно скорбеть об этом умолчании, ибо в нем отразилась трагичность положения нашей Церкви. Но брать это умолчание за повод для огульного отрицания и чуть ли не анафематствования Всеправославного Совещания — безответственно. Если Всеправославное Совещание не высказало ясного осуждения богоборческих сил, то оно руководствовалось, конечно, не равнодушием, а тактическими

соображениями. Торжественные декларации, осуждающие коммунистическое преследование Церкви, произносились многократно — но стоит ли доказывать, что они бессильны изменить существующее положение вещей? Если делегаты из некоммунистического мира почли бы необходимым осудить гонителей, Совещание с неизбежностью бы раскололось. Делегаты из коммунистических стран были бы вынуждены покинуть его, и Совещание из всеправославного превратилось бы во встречу представителей Церквей греческого языка. Можно ли упрекать делегатов из некоммунистического мира, что они не захотели оттеснить Московскую Патриархию и другие Церкви, расположенные на территории советского блока, в еще большую изоляцию? Нам могут возразить, что, кроме церковной «тактики», существует еще мистическое обязательство свидетельства о проливаемой мученической крови. Мы далеки от мысли отрицать это, но одновременно считаем, что словесные декларации не являются ни единственной, ни лучшей формой такого свидетельства. Выражать свою верность Церкви нужно чем-то более существенным, чем словесные декларации, особенно если произносящий их лично ничем не рискует, а, напротив, может рассчитывать лишь на одобрение той среды, в которой он проживает.

Христиане, проживающие в свободном мире, бессильны изменить советскую политику, направленную на удушение Церкви, но значительно помешать ей они могут. Но для этого нужно правильно оценить внутреннее положение в СССР. Смерть Сталина и вынужденное развенчание «культы личности» глубоко потрясли диктатуру и породили в недрах правящей партии фракционную борьбу. Очередная группа диктаторов держится у власти только балансируя между фракциями, опираясь на поддержку партийных кругов, которые она заверила в том, что террора больше не будет. По этой причине сейчас в СССР нет показательных процессов, существенно снизилось количество мест заключения и преследованиям подвергаются лишь несомненно политические противники режима. При этих условиях естественно возникновение и развитие независимых от власти общественных сил, которые вдохновляются совершенно иными идеалами, чем те, которые стремится навязать народу коммунистическая власть. Это движение, которое очень сильно в области культуры, в церковной области выявляется пока слабее. Причина этому — не только многолетние преследования и ограничения Церкви, но и сервиллизм церковного руководства. Кроме того, власти значительно проще контролировать и подавлять стройную церковную организацию, чем стихийно возникающие кружки и группы культурного подполья, которые связаны между собой только идейно, а не организационно.

Но, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, новейшие притеснения должны, по нашему убеждению, привести к возникновению «на низах» крепкого ядра церковного «резистанса». В это ядро войдут те молодые силы, которые пришли к служению Церкви в годы «оттепели». Их верность Церкви, их миссионерский порыв уже сегодня принуждают власть заполнять страницы партийных газет нападками на «церковников».

Поддержка этого церковного ядра — нравственный и религиозный долг всех христиан некоммунистического мира. Диктатура считается с общественным мнением западных стран гораздо больше, чем принято думать. Иначе разве стала бы коммунистическая власть тратить огромные суммы на всевозможные «всемирные конгрессы мира» и кампании против термоядерного оружия? Нужно, чтобы христианские Церкви и отдельные организации добивались постоянного общения с духовными учебными заведениями, монастырями и приходами в СССР, брали над ними шефство, посылали бы им пожертвования и духовную литературу. Разумеется, коммунистическая власть будет всячески, под разными предлогами, саботировать эти попытки. Но от упорства западных христиан будет зависеть затруднить осуществление этого саботажа и даже, быть может, поставить коммунистическую диктатуру в такое положение, когда она предпочтет уступку слишком большому скандалу.

Вхождение Московской Патриархии в Всемирный Совет Церквей и в межправославные совещательные органы открывает в этом отношении значительные возможности. Нужно лишь отказаться от ставших почти что дурной привычкой спячки и неорганизованности. Немыслимо выступать против организованного богоборчества только во «всеоружии» голубиной кротости. Нужна и змеиная мудрость.

Возвращаясь к Родосскому совещанию, нам кажется осмысленным сравнить повестку дня, выработанную афонским совещанием начала тридцатых годов, с темами, которые были намечены на о. Родосе в сентябре этого года.

В ноябре 1931 года Вселенский Патриарх, в интервью с греческим журналистом, перечислил вопросы, которые должны были быть подвергнуты обсуждению на предстоящем «про-синоде». Вот эти вопросы: представительство от Русской Церкви; подготовка православного духовенства; настоящее положение православной Церкви в Америке; реорганизация монашеской жизни и обновление ее деятельности в сфере научного знания, священных искусств и служения ближним; о новых методах борьбы с антихристианскими мировоззрениями; исследование отношений с неправославными Церквями, склонными к сближению и не прозелитствующими среди

православной паствы (армяне, копты, абиссинцы, старокатолики, англикане); отношение к Церквам, практикующим прозелитизм и средства защиты от него (римо-католики, униаты, протестанты, хилиасты и др); кодификация канонов; византийское искусство во всех его видах.

Противопоставим этому списку круг тем, намеченных Родосским совещанием: вера и вероучение (в частности, формулировка православного учения о Церкви); богослужебная жизнь; церковное право и администрация (новая кодификация церковного права); взаимоотношения между православными поместными Церквами; отношение православия к другим христианским исповеданиям; православие в современном мире; проблемы православного богословия; отношение православия к социальным вопросам.

Оба перечисления — предельно сжаты. В действительности круг тем, намеченных для обсуждения, был, в обоих случаях, шире. Некоторые вопросы, намеченные на афонском совещании, присутствуют *implicite* в формулировках, выработанных на родосской встрече. Совершенно отпали вопросы о представительстве Русской Церкви и о положении православной Церкви в Америке. При постановке вопроса о взаимоотношениях с инославием отпал критерий практикуемого прозелитизма или отказа от него — быть может, об этом стоит пожалеть. По настоянию делегации Московской Патриархии был снят вопрос о борьбе с антихристианскими мировоззрениями, хотя эта тема негласно присутствует в пункте «православие в современном мире». Зато на Родосском совещании были выдвинуты новые темы, имеющие огромное значение — вероучение, богослужение, социальный вопрос. Остается лишь надеяться, что будущий «про-синод» отнесется к этим темам с особым вниманием и, тем самым, выделит первоочередное из второстепенного.

Трудности, которые придется преодолевать, отчасти очевидны уже сегодня. Необходимость точного выражения православного учения о Церкви давно стала очевидной — такая формула облегчит нашу миссионерскую задачу и внутри Церкви и вне ее, в наших отношениях с диссидентами и инославными. Но как мы теоретически и психологически неподготовлены для выработки и приятия новых вероучительных формулировок! В большинстве поместных Церквей богословская работа, итог которой должен был бы подвести «про-синод», была, по ряду известных причин, более чем скромной. Более или менее устаревшие семинарские учебники догматики — слабая исходная позиция для новых вероучительных формулировок! Наиболее напряженная и плодотворная работа велась, за последние десятилетия, в лоне церковного организма, который

на «про-синоде» физически представлен не будет — среди части русской православной диаспоры. Но творчество русских богословов по ряду причин еще недостаточно проникло в сознание других поместных Церквей. Внешние испытания, выпавшие на долю православия, породили в некоторых православных кругах психологию пугливого консерватизма, прямо противоположного духу нашего времени и тем миссионерским задачам, которые перед нами стоят. Весть о новой соборной инициативе вызвала в этих консервативных кругах ползучий шепот ересебоязни и старообрядческий шафос «стояния за единый аз», унижительные для великой Церкви. Присутствие на Родосском совещании делегации от Московской Патриархии было для этих кругов удобным поводом для того, чтобы откеститься от самого замысла соборования. Считаюсь с этими настроениями, приходится разьяснять тем, кто противится всякому движению вперед не по злой воле, а по обольщению ложным консерватизмом, казалось бы, азбучные истины — а именно, что никакой Собор не может «пересматривать» вероучение Церкви и «изменять» его. Вероучительные истины, выраженные законным Собором и принятые сознанием верующего народа, составляющего живое тело Церкви, неизменны и неотменяемы. Новый Собор может лишь творчески продолжить работу верующей мысли, обогатить верующее сознание более полным и совершенным раскрытием Откровения.

Предложение подвергнуть пересмотру некоторые стороны сегодняшней богослужебной практики натолкнулось на Родосском совещании на сопротивление со стороны делегации Московской Патриархии. По слухам, архиепископ Никодим сказал, что «богослужение — это твердыня Церкви, никакие изменения здесь не могут иметь места». Чем продиктован этот старообрядческий консерватизм? Казалось бы, что в тех условиях, в которых вынуждена жить Церковь в СССР, церковные круги должны были бы стремиться к тому, чтобы сделать богослужение как можно более доступным для понимания верующих, ибо других возможностей церковно-просветительной и воспитательной деятельности Церковь в СССР лишена. На деле происходит прямо обратное. По мере того, как падает уровень «разумеющей веры» у паствы, растет пышность и «эзотеричность» культа. Архиереи и священники в СССР из пастырей и руководителей верующих все больше превращаются в замкнутое сословие жрецов, а Церковь — в культовый институт. К этому, несомненно, стремится государственная власть и, повидимому, к этому требованию приспособляется подневольная иерархия. Как это часто бывает, консерватизм здесь идет не на пользу, а во вред Церкви.

В богослужебной жизни есть изъяны и наслоения, которые укоренились в практике Русской Церкви, но, к счастью, остались чужды другим поместным Церквам. Преодоление их — задача поместного собора Русской Церкви, их нет нужды выносить на межправославное обсуждение. К этим наслоениям относится перегрузка богослужения и, особенно, Божественной Литургии, пышностью культа, в которой тонет изначальный замысел евхаристического собрания, и всяческими «довесками» в виде соборных панихид и молебствий. Более чем спорна практика Русской Церкви, допускающая служение утрени вечером.

Но есть вопрос богослужебной практики, который касается почти всех поместных православных Церквей. Мы имеем ввиду то, что во время богослужения верующие вынуждены слушать Слово Божие на языке, который им мало понятен. Неизменяемые части богослужения, как и стихиры Октоиха (в меньшей степени — Минеи и Триоди) в значительной степени воспринимаются верующими уже потому, что они привычны для слуха. Но что доходит до сознания верующих из тончайшей богословствующей мысли апостола Павла, если эта мысль закована в броню архаического языка? Отказываясь от богослужебного употребления переводов Св. Писания на современный язык, мы изменяем традиции православия, которая ясно требует того, чтобы слово проповеди произносилось на понятном и привычном языке.

Парадокс, как указывал уже покойный Г. П. Федотов, заключается в том, что наша сегодняшняя богослужебная практика отказывает русскому верующему в том, что считается совершенно естественным правом для киргиза или алеута. Разумеется, новые переводы Св. Писания, которые будут допущены для богослужебного употребления, должны быть утверждены возглавлением Церкви. Не нужно свыкнуться с мыслью, что всякий перевод несовершенен и не может быть навеки «канонизован». Рано или поздно он должен быть заменен другим, более совершенным переводом, ибо невозможно насильственно остановить развитие языка — не говоря уже о том, что и библейски-археологическая наука не стоит на месте.

Отношение православия к социальному вопросу — тема, поистине, необъятная. Здесь можно лишь наметить некоторые исходные положения. Православные в прошлом грешили равнодушием к социальному вопросу и конформизмом с существующим государственным порядком. Расплата за это — анхристианский характер и радикализм многих социальных движений современности. Православное сознание может лишь приветствовать все мероприятия, на-

правленные на преодоление социального неравенства и ограничение циничной власти денег. Но православное сознание не может принять утопических идеологий, которые, под предлогом построения справедливого общества, принижают свободу и духовную сущность человека. Общественный строй, отрицающий за Церковью право учительства и нравственного суда, не может быть принят христианской совестью.

Суждено ли будет собраться намеченному «про-синоду»? И если суждено, сумеют ли его делегаты преодолеть как те ловушки, которые расставит на пути «про-синода» коммунистическая диктатура, так и косность и разобщенность православного мира? На это ответит будущее. Но уходить от насущных вопросов, поднятых соборной инициативой, мы не имеем права.

К. ЕЛЬЧАНИНОВ

ЖИВА ЛИ ВЕРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

Наблюдения очевидца *)

«Что ты все смотришь книги про богов?!» — сказала на французской выставке в Москве советская мать своей 15-летней дочери, которая перелистывала книгу с репродукциями Фра Анджелико. «У нас таких нет», — ответила дочь... Христианство настолько изгнано из жизни в Сов. Союзе, что все, что его касается, для советского гражданина стало в своем роде мифологией, к которой он не испытывает ни злобы ни интереса, а лишь некоторое любопытство. Христианство, Церковь изолированы от жизни страны, и в сознании советских граждан, не имеют никакого отношения к жизни. Гонениями, воспитанием, ложью была достигнута эта цель. В Советском Союзе открыто и свободно говорят о вере только на антирелигиозных митингах и пишут о ней лишь в антирелигиозной литературе.

Но стоит хоть немного копнуть вглубь, чтобы убедиться в том, что вера наличествует всюду — во всех «классах» советского общества есть верующие, от милиционера, показывающего крест, висящий у него на груди под формой, уборщицы в отеле, которая ходит в церковь, учителя, который не ходит в церковь, но дома молится перед иконами, до академика, который ходит

*) Автор настоящей статьи работал в качестве переводчика пять недель на французской выставке в Москве (август-сентябрь 1961 г.).

каждый раз в разные приходы, инженера химика, знающего все тонкости софиологии о. Сергия Булгакова и о. Павла Флоренского и т. д. и т. д. То, что на службах в церквях одни почти женщины старше 50-ти лет, объясняется очень просто: им «нечего терять». Другие же советские граждане могут потерять, и, фактически, теряют все: службу, стипендию, вплоть до свободы. Этим объясняется «уход в себя» тех религиозных людей, которые учатся или находятся на производстве. Советская пресса называет это явление «зловещей замкнутостью» («Наука и Религия» № 10, стр. 34). Один молодой инженер мне говорил: «Я недавно узнал о том, что мой лучший друг — православный, а он до сих пор не знает, что я — верующий». Верующая студентка мне сказала: «Я не ищу связи с другими христианами, это слишком опасно». Никто не знает и не может знать, сколько в Сов. России верующих, кроме тех 30-40 миллионов женщин, наполняющих 20.000 церквей. Верующих может-быть гораздо больше... Часто в антирелигиозной литературе встречаются рассказы или прямо упоминания об обращении к вере комсомольцев или молодых ученых, не говоря уже о христианском воспитании детей. «В Крещатинской школе Олишевского района 15 второклассников из 25 уже находились под сильным религиозным влиянием. В воскресные дни и во время больших праздников, иногда приходилось видеть в Черниговской церкви до сотни детей, по большей части младшего возраста. Их приводили туда верующие родители или родственники» («Наука и Религия» № 9, стр. 56). Там же: «Какая, однако, неприятная история. В лучшей школе — сначала верующая десятиклассница, потом верующий учитель» (стр. 72). История, правда, печальная для тех, кто более сорока лет вытраивает религию. Этот «скандал» христианства настолько велик, что советская власть предприняла два года тому назад новое наступление на Церковь. Не могут же большевики потерпеть того, что на пороге коммунизма десятки миллионов советских граждан верят в Бога... И, что гораздо хуже для коммунизма, молодежь уходит в сектантство или в церковь. «В Ташкенте 50 старшеклассников, в возрасте от 16 до 18 лет, не только изучили «Священное Писание», но и приняли «водное крещение», а учителя проявили nepозволительную деликатность, заняв позицию невмешательства» («Наука и Рел. № 9, стр. 11). Меры этого нового гонения на Церковь настолько нечеловечны, что даже один коммунист мне говорил, что он им не сочувствует в силу их нечеловечности. Вместе с тем последний номер «Науки и Религии» говорит о «чутком отношении партии к религиозным чувствам верующих».

Живя в свободной стране, трудно поверить тому, что происходит сейчас в Сов. Союзе: в городах и деревнях сотнями закрываются церкви, преследуются издевательствами верующие, судятся семьи, воспитывающие своих детей в вере, обливаются грязью духовенство и монахи. Никогда еще не было такой яростной борьбы в прессе с «пережитками религиозных суеверий»; союзы писателей, журналистов и художников обвиняются за слабое участие в этой борьбе, учителя — за «нейтральную позицию».

Все верующие, с которыми мне приходилось встречаться, говорят об одном: о закрытии церквей, монастырей, семинарий, об огромных налогах на церковный доход и о все усиливающемся полицейском надзоре над священниками. Нераз верующие говорили: «Сейчас гонение на Церковь страшнее чем в 29-30 годах». «Мы идем к полному закрытию церквей». Комитет по делам Православной Церкви в народе называется «комитетом по ликвидации Православной Церкви». Правда, методы борьбы отчасти изменились; кровь не проливается, но власть действует методом удушения: например, епископ, слишком смело проповедующий, не ссылается в Сибирь на каторжные работы, а заточается в монастырь без права выходить из него и тем более проповедывать; также и на всю Россию известный старец, к которому стекалось огромное количество народа, заточается в монастырь, без права выходить к народу.

Ни у кого в Сов. Союзе нет такого запуганного вида, как у верующих. Мучительно смотреть на людей, даже на молодежь, которые сквозь зубы, скороговоркой и все время озираясь по сторонам, рассказывают вам о трагическом положении Церкви. С невероятными предосторожностями верующие искали с нами контакта на выставке. Когда ко мне на выставке обращались с вопросами: «Нет ли у вас книг по истории религии?» или «Имеется ли у вас что-нибудь по вопросу Кумранских рукописей?» или «Печатается ли у вас во Франции Евангелие?», то можно было быть уверенным, что имеешь дело с верующими. Вопрос: «Нет ли у вас Евангелия?» — повторялся ежедневно и иногда по несколько раз в день. Когда запас Евангелий вышел и приходилось говорить, что больше нет и вряд ли будет, люди умоляли как-нибудь достать экземпляр и возвращались на выставку специально для того, чтобы узнать, не достал ли я Евангелие. На самой выставке разговоры на религиозные темы велись обычно под прикрытием развернутой книги по искусству, которую мы перелистывали, будто бы рассматривая репродукции. Верующие, будь-то православные или сектанты, забрасывали нас вопросами о том,

каково положение Церкви на Западе; многие думали, что Церковь также гонима во Франции, как и в Сов. Союзе. Многие интересовались экуменическими вопросами, изданиями книг на богословские темы. Как правило, верующие отказывались встречаться вне выставки, не называли ни своего имени ни фамилии и, тем более, не давали адреса; на политические темы избегали разговаривать, но из целого ряда высказываний можно было сделать вывод, что христиане не находятся в оппозиции власти, они лояльны ей. Иногда знакомство с верующими происходило следующим образом: кто-то из толпы посетителей выставки задавал вопрос: «Пишет ли еще Булгаков?» или «Есть ли у вас книги Бердяева?» Так как толпа и не подозревает, кто такие Бердяев и Булгаков, то вопросы эти казались весьма невинными и, отойдя в сторону, можно было поговорить с тем, кто задал вопрос. Обычно это были студенты или молодые инженеры, химики; среди них бывали такие, которые знали не только имена всех русских мыслителей, выехавших за границу, но и кто и что когда написал. Им хотелось знать содержание той или иной книги, в частности, их очень интересовал Бердяев. Многие из книг русских мыслителей имеются в распоряжении «научных работников М.В.Д.» и выдаются только доверенным лицам. Так, например, «История Русской Философии» отца Василия Зеньковского была перепечатана в Сов. Союзе и стала доступной лишь некоторым сотрудникам М.В.Д.

В виде заключения можно сказать, что для приехавшего с Запада туриста часто не видна вся эта драматическая сторона церковной жизни. Внешне все, как будто бы, обстоит благополучно, но положение на деле настолько серьезно, что ставится под вопрос само историческое бытие Русской Православной Церкви.

Никита А. СТРУВЕ

ГОНЕНИЯ НА ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Обострение отношений между Церковью и советской властью следует отнести к 1958 году. Оно последовало за оттепелью, которой Церковь воспользовалась для укрепления своих позиций. Целый ряд епископов и священников вернулись из ссылки, возобновился процесс открытия и освящения новых церквей, оживилась издательская деятельность Патриархии (были изданы Библия, Евангелие, молитвослов, Требник, первый выпуск «Богослов-

ских Трудов» и т. д.), увеличился состав богословских школ, проектировалось также открытие новых семинарий в восточных областях России, заметно усилилась посещаемость церквей и исполнение религиозных обрядов...

Перемена в политике власти вызвана была отчасти этим относительным расцветом Церкви, стоящим в явном противоречии с лозунгом о переходе страны от социализма к подлинному коммунизму, в котором, согласно марксистской теории, религии не может быть никакого места за исчезновением социальных причин ее породивших.

Отсутствие многих данных не позволяет с точностью проследить развитие и усиление гонений на Церковь. Ясно только одно: — гонения идут по всем фронтам.

1) Давление на духовенство.

Несомненно, что волна отречений от Церкви целого ряда священников с 1958 г. по 1960 была вызвана советскими властями искусственно, различными методами давления. Священникам стали угрожать лишением их права на служение, что фактически обрекает их на полуголодную жизнь. Стали вспоминаться политические грешки, в частности поведение во время оккупации. Это одно из обвинений, послужившее к осуждению епископа Казанского Иова. Ренегаты Спасский, Якушевич стали священниками во время оккупации — отчасти по шкурным соображениям и во всяком случае без надлежащей подготовки. В этом свете можно объяснить и поступок Осипова, который в Эстонии отличался своими антибольшевистскими настроениями (в своей исповеди Осипов не случайно старается отмежеваться от прибалтийской эмиграции).

Духовенство не подвергается, как при Сталине, массовым арестам. Тем не менее все чаще и чаще советская пресса печатает отчеты о привлечении к уголовной ответственности духовных лиц. Читателям «Вестника» хорошо известны подробности осуждения на три года лишения свободы Казанского архиеп. Иова (Кресовича). В конце 1958 г. на три года лишения свободы был осужден настоятель прихода г. Магнитогорска, священник Щербатов за то, что один окрещенный им младенец умер во время обряда. В 1959 г. «молодой поп из Лихославля (Тверская область) потерпел суровое наказание за привлечение детей, через посредство родителей, под купол Церкви» и т. д..

2) Закрытие церквей.

Закрытие церквей в административном порядке коснулось главным образом западных областей России, либо присоединенных к СССР только в 1940 г., либо находившихся в течение войны под немецкой оккупацией. В этих областях количество действующих церквей было во много раз больше чем в центральной, северной и восточной России. Оно достигало иногда до 50% числа церквей дореволюционного периода.

Процесс закрытия церквей всюду одинаков. Собираются в ударном порядке подписи под воззваниями о закрытии церкви, затем настоятель лишается своего права на служение и церковь остается без служб. Тогда налетает на нее отряд активистов и закрывает церковь «по требованию населения и за ненужностью». Закрытие церквей началось с приходов, не имеющих постоянных священнослужителей. Но теперь, по крайней мере в некоторых областях, оно приняло стихийный характер. В Одессе закрыто 12 церквей из 20 существующих, в Ростове на Дону — 8. Общее число закрытых церквей неизвестно. Оно достигает вероятно 2.000. Согласно «Комсомольской Правде» от 14 июня 1961 г. на одной Волыни было закрыто 180 церквей, а в Черкасской области целых сорок.

Еще действующие церкви советская власть старается задуть непосильными налогами, достигающими до 80% приходского дохода и имеющими двухлетнюю ретроактивную силу!

Напомним, что число действующих церквей определялось в 20.000-22.000.

3) Закрытие монастырей.

Несомненный успех существующих монастырей явно раздражал и беспокоил власти. «Литературная Газета» сочла нужным в 1959 г. посвятить целую страницу этому вопросу. Под общим заголовком — «Куда ты идешь, Лида», путем мало что доказывающих фотографий с примечаниями известного писателя Тендрякова газета старалась уговорить советских девушек не поступать в монастыри. Однако, как всегда, увещательный метод не дал никаких результатов и советским властям пришлось прибегнуть в срочном порядке к закрытию монастырей. Уже шесть месяцев тому назад из 67 монастырей в распоряжении Церкви оставалось только 40. В Молдавии закрыты были следующие монастыри: Хировский, Речульский, Варсарехтский, Таборский; свыше 300 мона-

хинь из этих монастырей пошли на производство. Мужские: Гербовецкий, Балтский, Добружский. На Украине закрыты женские монастыри — Домбковский, Густынский, Введенский в Киеве, Одесский, Днепропетровский и т. д. (Насколько нам известно, за исключением Троице-Сергиевской Лавры, все монастыри находятся в западных областях).

В советской прессе настойчиво требуют закрытия Лавр, которые еще действуют. Однако, Киевские пещеры закрыты; прекратил существование Почаевский скит.

Как и церкви, монастыри находятся под экономическим давлением, облагаются налогами, лишаются права на земельную собственность и т. д.

4) Закрытие духовных школ.

Существовавшая сеть духовных школ (8 семинарий и 2 академии) была осуществлена между 1944 и 1947 годами и всегда рассматривалась как явно недостаточная. За короткий период церковного расцвета, школы заметно укрепились (в виду регулярного увеличения студентов, здания в Ставропольской семинарии были расширены), намечалось открытие Киевской Духовной Академии. В советской прессе стал все чаще отражаться проявляющийся в некоторых кругах советской молодежи интерес к богословскому образованию. Первый удар пал на Киевскую семинарию, одну из самых многочисленных. Она была закрыта еще в 1959 г. и студенты ее переведены в Одесскую семинарию. Затем была закрыта Ставропольская семинария и, наконец, в этом году был прекращен прием в Саратовскую семинарию. Таким образом сеть богословских школ сведена до 5 семинарий и 2 академий. Но советские власти не довольствовались закрытием этих трех семинарий. Они всячески стараются чинить препятствия к поступлению в еще действующие богословские школы. Семинаристы досрочно призываются на воинскую повинность, находящимся на каникулах отказывают в прописке в городе, где находятся семинарии, наконец, священники, дающие молодым рекомендации для поступления в семинарию, лишаются права служения. Последняя мера заставила церковную власть видоизменить эту формальность. Рекомендация священника должна быть одобрена благочинным и подтверждена епархиальным архиереем. Таким образом, с приходского священника снимается ответственность за рекомендацию.

Закрытие духовных учебных заведений является самой опас-

ной из административных мер, применяемых для ликвидации церквей, так как лишает церковь священнической смены.

5) Меры, принятые против мирян.

Административные меры коснулись и мирян. Усилился контроль над теми, кто посещает церковь. Следствием этого было, что в церквях стало еще меньше мужчин и молодых. Часто у церкви стоит комсомольский отряд, уговаривающий не идти в церковь. Особенное внимание советские власти уделяют паломникам. Странники задерживаются милицией и, если находятся без работы или прописки, ссылаются, в силу законодательства против паразитических элементов. Место, к которому стекаются паломники по определенным праздникам, наводняется агитаторами, которые предлагают паломникам вернуться во-свояси и предоставляют им с этой целью машины. Так, для прекращения паломничества на Никольскую гору, потребовалось не менее 600 активистов.

При закрытии одной из киевских церквей, миряне, в подавляющем большинстве женщины, заперлись в церкви и не пускали милиционеров. Полиции пришлось силою выставить их из храма, причем все молодые были отправлены на целину, а пожилые в психиатрическую больницу...

Родители, которые, вопреки желанию детей и общественности (школы, комсомолы), продолжают давать детям религиозное воспитание, лишаются родительских прав. Это одна из самых страшных мер, применяемых против мирян, особенно если принять во внимание, какими злоупотреблениями чревата эта возможность в условиях советского режима.

6) Реакция церковных кругов.

Церковные возглавители, конечно, бессильны перед этой волной гонений. Всякая попытка сопротивления безуспешна, как показывает пример Среднеазиатского епископа Ермогена (Голубева). Последний осмелился ответить на клеветнические нападки в советской прессе сначала письмом в редакцию, а затем окружным посланием, которое наиболее смелые священники, рискуя своим местом, прочли с амвона. Советская власть после этого потребовала немедленного увольнения епископа Ермогена. Священный Синод был вынужден освободить его от управления епархией и предоставить ему «отпуск». Во избежание подобных инцидентов, Патриархат возобновил практику непрерывного перемещения

епископов. Так епископ Леонтий Бобруйский очутился в Омске, а епископы Архангельский и Ростовский перемещены один на место другого и т. д.

Тем не менее Патриарх, по имеющимся сведениям, придерживается, елико возможно, твердой линии. Проявлением этой твердости было публичное отлучение от Церкви бывших православных мирян и священнослужителей, похуливших имя Христово.

В свое время было отмечено его храброе выступление на конференции советской общественности за разоружение (Москва, Февраль 1960 г.), в котором Патриарх неприкрыто намекал на начавшееся гонение, мужественно исповедывая свою веру в непобедимость Церкви. В Журнале Московской Патриархии то и дело появляются статьи, призывающие верующих не отчаиваться, ибо Христос неложно обещал быть с Церковью до скончания века. Ниже приводится одна из таких статей, которая хорошо отражает настроение, которое сейчас царит в церковных кругах.

Вера в обетования Христовы — единственное оружие Церкви, находящейся уже более сорока лет в тисках безбожной власти, которая стремится — и не скрывает этого — ее уничтожить.

СЕ АЗ С ВАМИ... *)

В те светлые дни, полные необычайных явлений, радостных слов и трепетного ожидания, когда апостолы уверились в том, что «Он воскрес», над миром загорелась новая заря. Смерть, беспощадно сражавшая миллионы живых существ, оказалась бессильной перед лицом этого обесчещенного, оплеванного и казненного Праведника. Он добровольно отдал Себя во власть этой грозной, разрушительной стихии и победил ее. Он искупил вековое проклятие, тяготевшее над человечеством.

Ученики еще не совсем понимали смысл того, что произошло, но они убедились, что Учитель жив, и это наполнило ликованием их сердца. Его видели женщины, Петр, Он изъяснял Писание двум апостолам по дороге в Эммаус, Он предлагал Фоме вложить персты в Его раны, Он ел и пил перед ними.

И вот Он повелевает им идти в Галилею — туда, где Он провел детство и юность, туда, где в течение трех лет Он странство-

*) Прилагаемая статья, напечатанная в 7-ом номере Журнала Московской Патриархии, превосходно отображает настроения, царящие сейчас в кругах Московской Патриархии.

вал с ними, проповедуя Евангелие Царства. Здесь, в этой стране, каждая гора, каждая тропинка, каждый камень на берегу озера напоминали им Учителя. У этих маленьких домиков до самого заката толпились больные, ожидая исцеления, сюда матери приносили своих детей, чтобы Он благословил их. В эти пустынные уголки удалялся Господь, чтобы наедине молиться Своему Отцу, у этих берегов качалась лодка Симона, с которой Он обращался к народу с поучением.

Теперь Иисус вновь и вновь является Своим ученикам. Они видят Его в голубой предрассветной дымке стоящим на берегу. Это не призрак, не видение: Он приготовил им пищу у костра, и они едят с Ним, как бывало в прежние дни.

На горе Галилейской они видят Христа снова. Многим все еще казалось, что они грезят. А Он, обратившись к Своей маленькой Церкви, как бы подготавливал ее к тому моменту, когда Его зримые явления прекратятся. «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам. И вот Я с вами во все дни до скончания века...» (Мф. 28, 18-20).

В последний раз ученики видели Иисуса Христа на той горе, где они часто собирались во время посещения Иудеи, — на Елеоне. Как и тогда, перед ними расстилался Иерусалим — город пророков и фарисеев. На мгновение к некоторым апостолам вернулись их прежние иллюзии: «Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1, 6). Но Он отклонил эту мысль. Наступил последний миг Его видимого пребывания среди людей. Он поднял руки и благословил всех. Изумленные ученики видели, что Он как бы отдаляется от земли... Облако скрыло Его, и Он стал невидим.

Не опечалилось ли сердце мужей галилейских? О чем думали они, стоя и смотря на небо, в голубую бездну? Не хотелось ли им приблизить тот день, когда, по словам ангелов, Иисус вновь придет на землю? Нет, апостолы не чувствовали себя одинокими и покинутыми. В их сердцах горели Его слова, сказанные на вершине галилейской горы: «Я с вами во все дни до скончания века...»

Со времени Вознесения кончилась земная жизнь Спасителя мира. Но Он не оставил чад Своих. С этого времени Он невидимо присутствует среди верных Ему, невидимо ведет Всю Церковь по трудной исторической дороге, Он ее Глава и Хранитель. Поэтому никакие трудности не смущали апостолов; их не могли остановить ни плети слуг первосвященника, ни римские тюрьмы, ни

происки лжебратий. Рыбаки вышли в мир с открытой проповедью, и они слышали голос Христа: «Я с вами...»

Шли годы... Были времена, когда казалось, что враги истребили семя христианства. Могли ли маленькие общины христиан мериться силой с императорской властью? Распятые, сожженные, погибшие на арене Колизея, где черпали мужество эти люди? Почему вера их не поколебалась, когда они видели Церковь, попираемую язычниками? Путеводной звездой были для них слова: «Я с вами...»

Но вот гонения прекратились. Язычество отступило. Новый враг угрожает Церкви — армия лжеучителей всех оттенков и направлений. И гностики, и платонисты, и противники учения о Троице — все предъявляют свои права на христианство. Одни отрицают божественность Христа, другие — Его человеческую природу... Бывали моменты, когда еретическим оказываясь весь христианский мир, за исключением египетских отшельников или таких стойких борцов, как Афанасий Великий и Максим Исповедник. Отчаивались ли тогда ревнители и хранители Православия? Могли ли они поверить, что Истина будет побеждена? Нет, они верили во Христа Иисуса, сказавшего: «Я с вами во все дни до скончания века...»

Шли века. Соблазны и искушения вошли в Церковь вместе с приобретением ее членами и руководителями светской власти и материального могущества. Грех симонии, фанатизма, нетерпимости тяготел над средневековым христианством. Надвинулась ночь, и многие думали, что Церковь погибла. Но те, кто хранил в своем сердце упование и умел во мраке различать яркие звезды, прислушивались к неземному голосу: «Я с вами во все дни до скончания века...»

В любое время, в прошлом и настоящем, среди трудностей, падений, торжества и временных поражений над Вселенской Церковью неизменно горят окрыляющие слова: «Я с вами...»

То, что говорит Господь всей Церкви и всему миру, относится и к каждой человеческой душе. Он стоит у двери нашего сердца и ждет, когда мы впустим Его. Но слишком часто эти двери остаются закрытыми, слишком часто человек замыкается в своей клетке и не хочет слышать призыва Христа. И вот Бог, не желающий смерти грешников, разрушает стены самодовольного благополучия и отдает их во власть собственных страстей. И вот тогда-то, среди скорбей, человек, выведенный из состояния губительного покоя, стремится вслушаться в тишину, чтобы уловить в ней звуки отеческого голоса: «Вот Я с вами во все дни...»

С ранних лет до закатных дней жизни человек ведет борь-

бу. Его окружают духовные и физические опасности, на него обрушиваются жестокие удары, его постигают горькие разочарования и, в тоскливый час мрака на узкой тропинке, по одну сторону которой зияет пропасть, так радостно услышать: «Я с вами...»

Самым тяжким испытанием для души бывает состояние растерянности, отчаяния, когда кажется, что Небо закрылось, что оно пусто. В эти страшные минуты пусть явится нам кроткий Лик Христа и пусть прозвучат Его слова: «Я с вами во все дни до скончания века...»

Обетование Господа не было тщетным. Облако скрыло Его от взоров учеников, но Он остался среди них. Не Он ли так скоро после Вознесения остановил Савла, спешившего в Дамаск, и превратил его из лютого гонителя в апостола? Не Он ли видел Стефан в свои предсмертные минуты? Не Он ли являлся сонму святых древнего и нового времени? И не Он ли открывается каждой чистой и искренне верующей душе? Христос живет среди нас, и Его присутствие в Евхаристии подтверждают слова «Се Аз с вами во вся дни до скончания века. Аминь».

И. А. СТРУВЕ

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СССР.

Новое наступление на Церковь, начавшееся в 1958 году, привело, наряду со всевозможными притеснительными мерами, к крупному усилению антирелигиозной пропаганды. Руководство ее находится в основном в руках «Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний». Основанное в 1947 году, оно в некоторой степени заменило пресловутый «Союз воинствующих безбожников», закрытый в начале войны 1941 года. В 1958 г. (с тех пор больше не было статистик) лекторами этого общества было прочитано 5 600.000 лекций, из которых 303.000 были посвящены научно-атеистической пропаганде. Мы позволили себе привести эти цифры, чтобы показать масштаб деятельности этой организации. Лекции читаются на заводах, в колхозах, в клубах и в так называемых «Домах атеиста» (Одесса, Киев). В некоторых университетах устроено специальное преподавание научного атеизма, но пока еще только в редких случаях эти курсы являются общеобязательными. Так как, по всем данным, лекции мало посещаются, то приложены были все старания, чтобы сделать их

более привлекательными. Таким образом возникли лекции-концерты, лекции-экскурсии, лекции с антирелигиозными кинофильмами, вечера вопросов и ответов, наконец — специальные собрания в зависимости от категорий населения: лекции для стариков, для молодежи, для женщин и т. д. Несмотря на все эти приманки, посещаемость остается, когда она не принудительная, более чем низкой, причем, со слов самих же агитаторов, присутствуют на лекциях исключительно неверующие. Кстати, открытых диспутов с верующими побаиваются и этот метод, который был в фаворе в период военного коммунизма, сейчас не рекомендуется: по всей вероятности, в связи с отсутствием искусных и воинственно настроенных пропагандистов.

Всесоюзное общество устраивает также специальные сессии и конгрессы для усовершенствования методов антирелигиозной пропаганды и для подготовки кадров для этой работы.

С сентября 1959 г. Общество выпускает ежемесячный журнал — «Наука и Религия», тираж которого превышает 100.000 экземпляров. Наряду с научно-популярными статьями, мы находим много чисто антирелигиозного материала весьма низкопробного уровня.

Печатная антирелигиозная пропаганда развивается гигантскими шагами. За последние 2 года вышло в свет невероятное количество всевозможных брошюр, тираж которых достигает иногда до 300.000; существуют специальные серии брошюр, посвященные этой тематике: «Научно-популярная библиотека по атеизму», «Библиотека атеиста», «Библиотека агитатора» и т. д. Военное издательство тоже довольно часто печатает такого рода брошюры, предназначенные для армейских нужд. Академия Наук в свою очередь записалась в ряды этого антирелигиозного фронта и выпускает с весьма относительной регулярностью довольно объемистые «Вопросы истории религии и атеизма». Среди книг, которые, конечно, малочисленнее брошюр, нужно отметить вышедший в 1960 году «Спутник Атеиста», необходимый *vide mesum* всякого пропагандиста. Ежедневная пресса не отстает от этого течения и нередко видит на страницах газет статьи, обличающие ту или иную сторону церковной жизни: так за последнее время, наряду с многим другим материалом, были напечатаны статьи против Троице-Сергиевской Лавры, против Киевских монастырей, наконец, против Почаевской Лавры.

Если ко всему этому прибавить атеистические фильмы, антирелигиозные музеи и гражданские обряды, которыми стараются заменить церковные таинства, то мы завершим круг методов ан-

тирелигиозной пропаганды с той только оговоркой, что в неорганизованном виде, начиная со школьной скамьи, она просачивается во все формы жизни граждан СССР.

Тематика этого научного атеизма (официальное название антирелигиозной пропаганды) всецело в плену у марксистского понимания религии. Религия порождена и поддержана социально-экономическими условиями, изменение которых должно привести к ее исчезновению. Она является лишь надстройкой, приговоренной к распаду при переходе социализма в коммунизм.

Основная тема есть противоположение науки и религии в духе более чем примитивного материализма XIX столетия, давно изжитого на Западе. Последний «сражающий» аргумент Божьего небытия дан космическими полетами спутников, которые не встретили ни Бога, ни ангелов... Остальные выводы и доводы того же масштаба, что позволяет нам их не приводить. Что касается доказательств неисторичности личности Иисуса Христа, то они опираются на данные, которые давно считаются мало серьезными западными учеными.

В сущности нападки на Церковь и обличения духовенства составляют основную часть антирелигиозной пропаганды. — Священнослужители в большинстве случаев паразиты, тунеядцы, мракобесы, часто развратники и нередко мошенники, хотя все же признается, что некоторые из них суть сознательные и хорошие граждане СССР. Очень широко используются все случаи отречения от веры. За последние годы их накопилось немало (около 50 известных случаев). Причины их различны и о них можно только догадываться. Если некоторые связаны с давлением и шантажом со стороны властей, другие, по всей вероятности, заранее подготовлены агитаторами, которые поступают в семинарии и академии, чтобы в нужный момент произвести скандал своим отречением и тем самым подорвать авторитет Церкви. На днях вышла книга, озаглавленная «Мы порвали с религией». На первом месте приведены заявления Осипова, бывшего профессора Ленинградской Духовной Академии, отречение которого было максимально использовано партией (несколько газетных статей, 2 брошюры, заявления по радио).

Несмотря на все усилия агитаторов, антирелигиозная пропаганда остается очень мало эффективной, в чем, впрочем, они сами часто признаются.

Церковные «предрассудки» мало поддаются аргументации научного атеизма и для их искоренения приходится прибегать к иным несловесным методам. В порядке этих мероприятий закры-

тие церковных учреждений занимает первое место. За последние 2 года закрыто около 1.500 церквей, 3 семинарии и примерно три десятка монастырей, монахи и монахини которых, в зависимости от возраста, посылаются в старческие дома, на производство или на целину. Деятельные священнослужители удаляются, арестуются или ссылаются, так, напр., Казанский архиепископ Иов приговорен к 3-м годам тюрьмы, а митрополит Николай (бывший Крутицкий) находится под домашним арестом.

Применение всех этих принудительных мер воочию доказывает неудачу антирелигиозной пропаганды, глупость и грубость которой нередко отталкивают самих коммунистов. По России ходят тревожные и настойчивые слухи, что к 1965 году должна быть закончена физическая ликвидация Церкви, но, несмотря на всю трагичность положения, верующие не отчаиваются и вслед за Патриархом напоминают безбожному миру обещание Спасителя, что врата адовы Церкви не одолеют.

Архиепископ ИОАНН Сан-Францисский

ПНЕВМАТОЛОГИЯ ЕДИНСТВА

1. О трудности высоких самоименований

«Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа»:

(Лк. IX. 55).

Слово христианин не удержало своей первохристианской белоснежности. Однако, если сказать (с уважением и многозначительностью) о каком либо человеке: «он — христианин», это прозвучит хорошей характеристикой человека и может прозвучать высоко, даже для слуха неверующих. С именованьем «православный» дело обстоит не так хорошо. Призванное обозначать подлинное христианство, среди появившихся подделок и извращений апостольской веры, понятие «православия» и «православности», истинного прославления Бога, посерело в истории... Всякое именование может, вообще, быть сведено к отвлеченности и номинальности, но «высокое» особенно не выдерживает двусмысленности. Имя «христианин» поблекло, потому что в мире было и остается немало номинальных христиан (и православных, и католиков, и протестантов) ничем, в сущности, не отличающихся,

по своей психологии и по делам, от людей всецело погруженных в чувственность и суетные дела «мира сего». Но понятие «православный» особенно пострадало в истории.

Имя «христианин» несет в себе свое содержание и цель: Господа Иисуса Христа. Христово Имя светит даже среди несоответственного ему «христианства». Слово же «православный» включает в себе, кроме исповедания истинной веры, еще и понятие какой-то человеческой исключительности, выделенности человека в самом христианстве, как бы возвышения его правды и его веры над правдой и верой других людей.

Беда в том, что исключительность и чистоту самого православия многие в истории переносили и переносят на себя, возвышая тем себя и обольщая. Высокая самоквалификация опасна, особенно в религии — об этом ясно предупреждает Слово Божие. «Когда зван будешь на брак, пришедши, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подошед, сказал: «друг! пересядь выше»; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою» (Лука XIV, 10). Мы видим, Спаситель внушает человеку скромность вообще, а в религиозной области особенно, так как религиозная гордость наиболее близка к фарисейству. И желание молиться Богу только с первого места — есть, конечно, очень вредное и предосудительное, для души, желание.

Православие, т. е. горячность и чистота веры Христовой, началось среди мученичества. И оно было знаменем страдальчески-огненного пути к Богу, и высоко несло в веках эту царственную печать и было в истории самым удостоверением о мученичестве... Но, что мы видим теперь? Вследствие долгого союза, почти слияния психологии церковной с государственной, в «православных» странах, «православие» стало обращаться в законничество, в некую легалистическую привилегированность некоторых на земле и пред Небом. Люди присваивали себе эту привилегированность близости к Богу чрез свое рождение и крещение. И «православными» в истории стали себя именовать люди не только мало верующие, но и совсем неверующие, или не знающие во что они верят, не знающие духа веры, разума Церкви... На Балканах и в России можно было встретить, например, «православного» не верящего в загробную жизнь, или верящего «в перевоспложение», и т. д... Произошла подмена содержания в самом термине «православный» и потускнело целостное, жизненное его содержание.

Надеемся, что говорим не оскорбительно для православных, а — целительно. Ведь всякий православный, по духу и вере своей,

человек, в наши дни, не может не ощущать всей недостаточности духовного уровня «православных». И лишь смиренное осознание православными людьми своей слабости, грешности и великой ответственности пред Богом, может вернуть истине Православия ей подобающее сияние. Необходим православию дух смиренности и покаянности! Только он является «печатью царской» Православия, духовным о нем удостоверением. Дух Православия стыдится тщеславного подчеркивания своей православности. Праведные не выносят разглашения своей праведности и православные — рекламы своей православности. Свое именование «православный», православные несут радуясь об истине Господней и стыдясь за себя. И этот дух не мешает, а помогает быть смелым в исповедании веры.

Отдалившиеся же от духа православия воспринимают свою «православность» именно так, как понимал свое сыновство Старший Брат в евангельской Притче о Блудном Сыне. Чувствуя свое «старшинство», они зазирают сперва не-христиан, потом «не таких как «они» христиан, и, наконец, кончают осуждением всех православных, которые не принадлежат к их малой группировке... Разве мы не видим именно этого и в наши дни? По мере зазирания других людей, мнимо-православные считают себя все более чистыми, более избранными и «исповедническими» в православии. Так рождается отвратительное новозаветное фарисейство, — утешение людей не Божьей, а своей святыней.

Это состояние бывает, конечно, не только у «православных», но и у «римо-католиков» и у так называемых «евангельских христиан», которые так наивно подчеркивают свою будто бы особую «евангельскую» чистоту пред другими христианами и проповедуют чувство своей будто бы особой, по сравнению с другими, «спасенности», судя слишком легко (и, главное, преждевременно!) о том, кто из живущих в мире «спасен», а кто «не спасен».

Верующему в Истину Христову естественно переживать драгоценность этой Истины. Кто искренно верует во Христа, тот не может не видеть всей благодатности и великости данного ему — и всем людям — спасения во Христе, в Его вечности. И нет, вообще, религиозной веры без чувства ее святости и драгоценности. Не может быть обращения к истине без осознания величия этой истины. Но нельзя забывать, что именно Христова истина является прежде всего в пути и блаженстве духовного нищания. Это ее первый признак в человечестве.

Вяение Духа явлено в словах и делах апостолов, пророков,

пастырей, мучеников и праведников Церкви. И все верующие призваны жить в веянии этой Благодати истины, храня правоверие, не только радуясь ему, но и нищая в нем. Нельзя рационализировать правоверия, как и нельзя его «национализировать». И совсем уже нельзя делать его своей привилегией.

Вера в Бога во многом выражается в мире, но духовное умаление человеком себя, чтобы возвеличивался Господь, это — первый признак живой веры и Живого Бога.

Кто поймет свою верность правой вере не как свою истинность, а как Божью милость и правду, тот сядет у самого дальнего конца Христовой истины и будет более скор на замечание немощей в себе и в своей церковной ограде, чем в оградах других. Только в таком приятии ответственности пред лицом Божьего дара открывается красота Православия.

2. Пути современной апологетики

«Русский Центр» Фордамского Университета в Нью Йорке издал брошюру о иеромонаха Хризостома: «Вселенский Собор и Папство». Автор хочет «соединения Церквей» и убеждает православных не бояться римо-католичества, не страшиться власти Римского Папы. Ближайший Вселенский Собор, созываемый в Риме Папой, по мысли о. Хризостома, еще более покажет, что Римско-Католическая Церковь не противоречит Православию; более того, что она именно и есть то древнее Православие, которое любят православные и верность которому считают наибольшим осуществлением духа Церкви Христовой.

Где аргументация о. Хризостома слабеет, там мы видим его глубокую веру в то, что личность ап. Петра надо понимать по-римски, как князя апостолов и единственного «Викария» Христа Спасителя на земле, а всякого Папу Римского, в силу его уже одного древнего географического положения, следует считать легальным наследником власти того всемирного трона, которым каждый новый Папа законно овладевает, после избрания его Кардинальской Курией, члены коей назначаются его предшественниками. Римское католичество прочно вошло в такое мышление. В веках, начиная приблизительно с 8-го века, оно стало усваивать и доселе усваивает Римскому Первосвященнику власть Сверх-Патриарха... Одновременно мы видим, усваивается ему и власть светского Государя, строящего Церковь духовно и, как некое всемирное Госу-

дарство, обладающее своей тоталитарной идеей. Своих послов церковных Рим спокойно обменивает на послов многих государств.

Аргументы о. иеромонаха Хризостома вряд ли убедят православных в том, что Папа Римский не так уж автократичен и тоталитарен в своем правлении, как православные думают; и что Папа зависит от всей Церкви; и что власть вселенского епископата-апостольства не повреждена в Риме, а вскоре будет, после нового Вселенского Собора, еще более выявлена, и еще яснее восторжествует в Риме чисто-православная концепция, от которой де Рим не отошел (а только придал ей особую форму) и т. д.

Брошюра о. Хризостома будет полезна для западного, католического читателя. Раздумывая над смыслом возникающих в русской эмиграции около храмов православных, храмов «католичества восточного обряда», нельзя не прийти к убеждению, что они более нужны для западных христиан, для их ознакомления с христианством Востока. «Восточный обряд», открывая самому Западу древние византийские формы, открывает Православие (приходилось замечать появление католиков-американцев в тех православных храмах, в районе которых был «показан» в католической церкви «византийский обряд»).

Брошюра отца Хризостома, психологически, является м. б. некоторым шагом вперед на путях римской апологетики, но она еще принадлежит к разряду той, которую усвоило себе католическое движение «восточного обряда». Обращаясь к православным, это движение утверждает, что в Римском христианстве «все обстоит благополучно», в смысле православности, и Рим есть тот кладезь вселенского православия, которое может всех православных не только соединить и успокоить, но и поднять над их немощью.

Жизнь, однако, сложнее. Правда Единой Христовой Церкви требует от нас всех, христиан, терпеливого и, главное, покаянного к ней приближения. Господь есть «Огонь Поядающий» и умудряющий только чрез экклезиологическое покаяние. Может быть этого именно не хватает у о. Хризостома. Он весь в розовых облаках своих экклезиологических концепций, получивших «*imprimatur*». Никакой трагедии в разделении братьев у о. Хризостома нет и никакой вины за разделение на Риме тоже нет. Рим был и остается ясен, чист, высок.

Было бы ново (и особенно ценно), если бы наш брат римо-католик активно проанализировал то, чего «не признают» православные в Риме, что им «не по сердцу» в Риме... Пусть вникнет

он в православную печаль о Церкви; пусть задумается над тем, ради чего раздробленные и часто гонимые православные отказываются от слияния с материально более богатой, более многочисленной, чем они и гораздо лучше «организованной» в мире и «дисциплинированной» Церковью Рима?

Чувствует ли он, что, при всей своей этой «неорганизованности» православные могут как-то проще и свободнее (может-быть и покаяннее) говорить в мире о своей исторической неверности Господу, чем это имеют право миряне и пастыри Рима, покаяние коих тоже определяется свыше и экклезиологически связано с «*nihil obstat*», с «генеральной линией» данной. Дух церковно-государственной и идеологически-«тоталитарной власти» кажется слишком сильным в Римской Церкви, и в функциях ее Главы, и в «сверх-епископском», кардинальском централизме. А символом всего, с чем так несогласны православные, не является ли знаменитый многовековой Римский «Банк Св. Духа»?

Отец Хризостом прав. — Папа Рима не «всемогущ» в своей Церкви. Но он — «*Pontifex Maximus*» — всемогущ, как идея и предмет веры, вокруг которой в Ватикане строится не только Церковь, но и мировая, церковно-государственная Империя. Нельзя не прийти к мысли, несмотря на все свое уважение и во многом восхищение христианами Церкви Рима, что антихристианские, тоталитаристические идеи, рождающиеся в мире, являются, в сущности неким отражением идеи Римского мирового идеологического церковного Государства. Тут, м. б. главное наше разномыслие с отцом Хризостомом. Разномыслие не на почве привычек церковных, обрядов, ни чего либо второстепенного, а — самой веры, самого понимания образа Христова в истории и духа Христовой Церкви в человечестве. Но мы несем боль от сознания такого различия наших церковных путей и несем чувство необходимости не только сохранить среди человечества истину Православия, но и Христов мир с братьями Рима, отделенными от нас. Мы верим, что Господь, в наших слабых и недостойных руках сохраняет в истории человечества образ неповрежденной древней Церкви, извещанной Господом апостолам, Церкви не смесившейся с духом государственности «мира сего» и не тяготеющей к «образу» мира сего.

Римская Церковь есть не только Церковь, но и (единственное, в сущности, в мире) христианское Государство. До такой степени она в своей экклезиологии, вмещает весь легализм государственного духа... Этот ли образ дали апостолы Церкви? Это ли завещал Господь?.. Православные видят в ином дух апостола Петра, и счи-

тают, что, если выбирать, то лучше христианам в истории быть «под пятой» нечестивого государства, чем желать держать под своею пятой нечестивое — или благочестивое — государство... Нет, не в этой внешней, прекрасной организации и дисциплине апостольская правда самой Римской Церкви, а в другом. Но Рим «придышался» к государственной своей атмосфере и полюбил ее в истории *).

Мы, православные, тоже грешили и грешим «с царями земными» (Откр. ХУІІІ, 9); но — иначе, чем в Риме. И этого мы не возводим в принцип исторического развития Церкви. История к тому же свидетельствует, что от мнимо-православного цезаре-папизма легче избавиться христианам, чем от мнимо-кафолического папоцезаризма. Господь же начал очищать Свою пшеницу в мире... «Время начаться суду с дома Божия» (I Петра IV, 17). Он начался, Суд...

Надо все более православным чувствовать свое внутреннее единство со всеми христианами, верующими в Единого Бога в Троице прославляемого и в Единого Спасителя Богочеловека Христа Господа. Единство это — в святом и во святых. Святые Запада и святые Востока — одна Вселенская Церковь. Но и грешники Запада тоже едины с грешниками Востока, если видят грехи свои пред Богом и сознают свою великую ответственность за дело Божье в мире, и необходимость путей покаяния.

Признаком нахождения этих путей мы считаем то, что многие сейчас римо-католики, как и православные, ощущают конец старой апологетической эпохи и видят волю Божию в начале новой эры отношения к иноисповедным братьям-христианам, как к «отделенным братьям». К ним мог бы еще глубже принадлежать и о. Хризостом. Он искренний человек, но не надо ни ему, ни нам, замедлять на старых апологетических позициях, ибо близко «новое небо» и «новая земля». Старые пути апологетики углубили разделение Церкви в истории! Господь дает нам новые пути выражения христианской любви: пути экклезиологического покаяния.

3. Братство в немощи

«Ибо, когда я немощен, тогда силен»

II Кор. XII, 10.

*) Многие ли в Риме сейчас удивляются этой, все возникающей, параллельно «белой» королевской знати, «черной» знати Ватикана, армии

Экклезиологическое покаяние есть единственно сейчас возможный дух единения церквей. Единение совершаться — Духом Божиим — может лишь чрез покаянное осознание христианами своей немощи. Это сознание должно лежать в основе всех богословских переговоров и рассуждений об истине Церкви

Дипломатия и компромисс лишь временно и неистинно сближают. Мало ценна эта близость. Христиане мира призваны выявлять христианское православие и православное христианство, цель и радость которого — славить Бога, не людей. И оттого степень христианского покаяния всегда будет равна степени человеческой истины и любви, — способности не к дипломатическому, только внешне-организованному, а настоящему единству.

Путь сближения древних церквей, Православной и Римско-Католической, должен быть ныне радикально отличным от прежних, столь несовершенных в истории, попыток нахождения единства.

Сближение церквей должно идти пневматологически, чрез их со-покаяние пред Богом и со-радование во Христе. Единство ехаристии, богоблагодарения и взаимно-признаваемого священства, единство тысячелетия веры должно рассматриваться не из омраченного бесчисленными коллективными неправдами и личными эгоизмами разделенных братьев второго тысячелетия, но «умом Христовым».

Непогрешительность Духом созванных и движимых Церковных Соборов не может противоречить непогрешительности отдельных душ в Церкви, Святом Духе пребывающих. Харизматическое непогрешимое слово иерарха Церкви, как и вся жизнь верующих, открывает веру. Личность в Церкви призвана к непогрешительному исповеданию в последнем верующем, как и в первом иерархе. Во всем теле своем Церковь призвана светиться и являться.

Водимые Духом, первосвященник, пророк и пастырь Церкви, одинаково способны выражать слово и дело всей Церкви, которая имеет силу и власть действовать в каждой, принадлежащей к ней душе. Экклезиологические принципы соборности и личности равночестны — в Духе.

Но в греховной эмпирии человеческой мы видим, что оба эти принципа недостаточно «практически» осуществляются в истории.

церковных князей, графов, камергеров и придворных?... И, среди этой мишуры, окруженный дипломатами и гвардейцами, все еще является миру апостол Господа Иисуса Христа! Будет ли так и далее?

Не всегда мудро и отрешенно от страстей «века сего» действовала и действует апостольская Кафедра Рима, именуемая своего первосвященника «викарием Господа Иисуса Христа». И столь же во многом обмирщенно, несовершенно действует, среди народов, страдальческая православная соборность. Ни один из этих церковных принципов, взятый отвлеченно, легалистически, не может быть гарантией истины. И вообще не может быть никаких внешних легалистических гарантий истины. Ничто внешнее не может обеспечить непогрешимость Христову в человеческих словах и делах в мире.

Оттого Православная Церковь не провозглашает догмата о формальных условиях непогрешимости своей соборности. Даже не до конца выражает ее в словах. Непогрешим только Дух Божий! Лишь Его непогрешимость Церковь призвана возглашать, проповедовать и славить. Ему, Духу Божию, следует все более возвышаться, славиться, а нам людям церковным умяться. Истину Царства Божия нельзя уловить ни в какую сеть формальной гарантии, но Церковь Христова непогрешима и неодолима вратами ада.

Непогрешительность Церкви как Истины Божьей находится только в Боге Едином, Отце, Сыне и Святом Духе. И эту святую непогрешимость Истины, являющуюся вере и любви, нельзя юридически — процессуально усвоить никому и ничему в этом мире. Церковь непогрешима не процессуально, не юридически и (можно это без конца повторять) никакая процессуальность не может быть внешней гарантией Божественной Истины. Нам, людям смертным, не дано создавать условий вынуждающих ее явление. Нам, людям, не дано посягать на Божественную свободу. Каждое мгновение Дух Божий «дышит, где хочет» и все дыхание, вся истина твари зависят только от Бога. «Послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли; отымеши Дух Твой, возметутся и исчезнут». Все наше человеческое истинно только когда в Боге, и сколь в Боге.

Искание же легалистических «гарантий» Истины есть маловерие. В этом основная немощь «Ватиканского Догмата» 1870 года. Тут проявилось маловерие церковных людей. И в 1870 году был положен последний камень церковно-тоталитарной государственности Рима.

Церковь Христова все время умяется, истощается в истории. Она все время проходит чрез свой кенозис, как бы высыхая на песках мира и умяясь в отдельных душах, имя христианское

носящих, и особенно в пастырях Церкви, неверных Духу Господа Иисуса Христа.

Церковь, община и человек одинаково оберегают и возвещают истину Христову, лишь по мере достижения «возраста Христова»; истощая себя ради нее. Но не только свято, а и греховно могут себя умалять люди в истории.. Оттого так разодрана риза Церкви и лишь небесные глаза видят ее единство в мире. Оно «в мире», но «не от мира».

Невозможно декларационно установить форму и время явления в мире Божьей истины. Нельзя вынудить Духа Божия. Горение Его в людях есть Его дар. Церковь Святая, в мире распинаемая, хранит Себя синергически в Духе, чрез кенозис своей любви к Богу, своего самораспятия в исполнении Его воли. И дух простого, безхитростного братства охраняет единство людей в их святой умаленности пред Богом.

«Врата адавы» не одолеют именно той, умаленной и распятой в мире, нашей волей, Святой Церкви. Истина ее и сила не в тех или иных условиях, но в Самом Боге Живом, Который стал Человеком. Все человеческое всегда «сеется в немощи», чтобы «восстать в силе» (I Кор. IV, 43).

Того не осознавая, христиане слышат, и в наши дни, голос Божий; По вере вашей да будет, христиане, вам! Слагайте сокровища Моего Царства в свою форму церковности, но смотрите, чтобы являлась в ней Мое Дыхание и свершалось спасение людей. «Квасное» и «опресночное» могут одинаково стать Плотью Сына Божьего и веществом Его Любви к человечеству. Слово, сотворившее миры, может войти в мир и через «квасное» и через «опресночное»; оно сильно действует через праведный собор пастырей, и чрез каждого первого и последнего пастыря и члена Церкви, ибо положил Дух Господень Силою Своей действовать в людях. И это есть Божественное условие Царства Божия... Но как сами церкви и христиане затрудняют пришествие в мир Слова и Духа! Архипастырь Рима, с собором своим провозглашает догмат о непогрешительности своего слова, обуславливая его, когда непогрешимость слова пастыря безусловно должна разумеаться в самой истине данного ему дара. Слово сынов Божьих — в Духе — всегда непогрешимо, а без Духа всегда погрешимо, даже когда — отвлеченно-правильно. Но слово непогрешительное есть лишь только часть непогрешимости человека, — непогрешимым должно быть его молчание и его дело. Явление Духа в мире сильно затрудняется бессольностью правильных слов, самонадеянностью и

дипломатичностью христиан. Даже истинные люди способны лишать Духа Истины! Истина огненна; а как часто мир слышал и слышит «сбалансированную», уравновешанную формулу христианской истины, приемлемую и для людей века сего... Возвестители Православия, как мало они делают для возвещения полноты истины! Они более заняты своими националистическими делами и ничтожными провинциальными спорами... Охлаждаемые своекорыстием, отяжеляемые ложным консерватизмом, пастыри Западные и Восточные более думают о земном чем о небесном! И — теряется в душах и народах дух веры.

Божественно-провидевший в истории веру христиан в апостола Петра, как Его «викария» (и, что такое «викариатство» христиане Рима будут эгоистически усвоить лишь своей Кафедре!), Спаситель оставил Церкви Свои таинственные слова последней главы евангелия от Иоанна (Ив. XXI, 20-22), которыми заканчивается благовестие Христово: «Что тебе до того? Ты иди за мною», — здесь начинается эта наша земная история христианства, во время которой апостолы и ученики столько раз недоумевали и будут недоумевать об этом параллельном, словно различном служении и устремлении ко Христу христиан. Обителю в доме Отца и дорог к дому Отца много и все призваны видеть и находить во Христе свое единство.

Вера в Папу, как единственного Викария Христова в мире основывается в сознании римо-католиков тоже на вере во Христа Господа и на любви к Его словам... Как бы ни было ошибочно (с православной точки зрения) это истолкование слов, это выводится «из слов Христовых». Идея Папы — Первосвященника, покоится на ставшем для Рима священным, Предании, в которое Рим уверовал. Православное священное апостольское предание другое и православные крепко держатся за другой вывод экклезиологический, исповедуя его во имя Христово. Сейчас уже время не споров, а одного исповедания и любви ко всему Христову; обострился в мире дух общего отступления от Христовой веры. Явен в истории дух противника Божия. Христиане окружены миром неверия и стихией лжеверия, и им надо возможно более прекратить взаимное ослабление себя древними спорами. Необходимо свое отличие в христианском мире обратить в различие служения. Дух икономии Царства Божьего требует сейчас от церквей «богословского истощания», «экклезиологического кенозиса», ради большего приятия Духа Божья. Нужна сейчас жертвенная помощь христиан друг другу в самом благовестии Господа и явления единства своего в Нем.

Практически, сейчас, это уже осуществляется в согласии христиан вести диалог с инославными братьями, любить их как братьев.

Таковым и должно быть сейчас реальное Православие, которое не хочет лежать под спудом теоретической и отвлеченной ортодоксальности. Еще более чем до сих пор должна быть в истории открыта христоцентричность Откровения и Церкви. Церкви подобает быть в мире образом любви «не от мира сего». И Господь повергает в немощь всех верующих в Него, облегчая пути их единства.

Надо радоваться всякому явлению истины Христовой в мире. И малейшее «горчиное зерно» ее драгоценно! «Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь, и буду радоваться» (Филипп. I, 18).

Путь великой правды: покаяние. Не отдельных людей только, но и самих церквей. Недостаточно они побеждают человечество Духом, недостаточно преображают людей в своих оградах! А сколь мало они влекут к Спасителю иудеев, мусульман, язычников, агностиков, неверующих! Как много в мире крещеных, но не преображенных во Христе душ. «Христианами» так часто именуется люди совсем не связанные, ни любовью своей, ни надеждой, ни верой, со Христом Господом. Даже среди пастырей есть немало таких.

Причащаясь Жизни Вечной, люди и церкви призваны все время умирать для «себя» и всего преходящего. Все менее нам, людям, надо доверять этой немощной, переплетенной в пыльные фолианты, истории. Все более нам надо отходить всем от законнической психологии. Слишком часто церкви ведут себя, и хотят вести, как государства. В них почти столько же обмирщенности и такой же в них пафос поверхностной общественной «техники», как и в государствах. И вот, разоряется в непрерывных катастрофах и смертях, «извергается из Божьих уст» — мнимое единство христиан и церквей.

Лишь по мере того, как «сеется» и умирает «тело душевное», восстает «тело духовное» и наступает Будущий Век. И «чаяние воскресения мертвых» начинает воскрешать людей уже в этом мире, давая им единство будущего века.

Это единство совершается уже на всех престолах мира и во всех Богом принимаемых молитвах. Оно осуществляется в самозабвенном труде истинных пастырей и благовестников Единого Отца, Слова и Духа Божия. Неразделима Церковь во святых своих и в кающихся грешниках своих.

Протоиерей *АЛЕКСАНДР ШМЕМАН*

О ПОНЯТИИ ПЕРВЕНСТВА В ПРАВОСЛАВНОЙ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ

(Окончание)

6. Указанная связь между Церквами в таинстве поставления Епископа приводит нас к первой и основной форме «первенства» или, вернее, к условию и основе первенства — к **собору епископов**. В православном сознании собору отводится обычно исключительное по своему значению место — от классического описания Православной Церкви, как «Церкви семи Вселенских Соборов», до современной теории, согласно которой все управление Церкви должно быть «соборным». Между тем, в нашем богословии очень мало сделано для определения эkkлезиологической сущности и функций соборного института. При отсутствии же такой эkkлезиологической рефлексии не удивительно, что на собор попросту были перенесены предикаты **высшей власти** в Церкви. Такова, как мы видели, неизбежная логика канонического права, оторвавшегося от живого учения о Церкви, как Тела Христовом. Фактически, римскому учению об **единоличной** высшей власти, с православной стороны противопоставляется учение о **коллективной** высшей власти. Спор в настоящее время идет только о границах этого коллектива: включает ли он в себя только епископов или же и «представителей» духовенства и мирян? Теория эта особенно усилилась с тех пор, что она соединилась — довольно непоследовательно — с славянофильским учением о «соборности», как сущности церковной жизни. Голый юризм принципа «высшей власти» был как бы смягчен несколько расплывчатым мистицизмом учения о «соборности» и это позволяет с чистой совестью обличать римскую эkkлезиологию в юрилизме. Но на деле, идея собора, как «видимого высшего учредительного и правительственного органа церковной власти»³³⁾ не соответствует ни славянофильскому учению о «соборности»,³⁴⁾ ни исконной функции собора в Церкви. Собор не есть власть, потому что не может быть властью над Церковью — Телом

33) *Н. Заозерский*, цит. соч., стр. 223.

34) Срв. *А. С. Хомяков*: «Письмо к редактору», «L'Union Chrétienne», о значении слов «кафолический» и «соборный». Полн. собр. соч. 1860 г. т. II, стр. 30 и сл.

Христовым. Собор есть **свидетельство** о тождестве всех Церквей, как Церкви Божией: в вере, в жизни, в любви. Если в своей Церкви епископ есть священник, учитель и пастырь, Богом в ней поставленный, свидетель и хранитель католической веры, то в согласии всех епископов, в их **соборе** все Церкви познают и выражают онтологическое единство этого предания «ибо языки в мире различны, но сила Предания одна и та же» (Св. Ириной Лионский).

Собор епископов есть не орган власти над Церковью, но и собрание «представителей» Церквей, а выражение единства Церкви, ее духовные уста. Он говорит не Церкви, а в Церкви, в полноте ее католического сознания. Он не «полнее» и не «больше» полноты местной Церкви, но в нем все Церкви познают и осуществляют свое онтологическое единство как Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Экклезиологически и догматически необходимым является собор при поставлении епископа: в таинстве хиротонии его экклезиологическая основа,³⁵⁾ потому что он есть необходимое условие полноты каждой Церкви, ее «плиромы» как Тела Христова. Но Церковь, которая принадлежит по своей природе новому эону, Царству будущего века, пребывает в истории, во времени, в «мире сем». И это ее пребывание есть выражение ее сущности, как любви Божией к миру, как Его воли о спасении всех. Она пребывает с миссией благовествовать и крестить, проповедывать и распространяться до «конец земли». Церковь, замкнувшаяся в себе, в своей эсхатологической полноте, переставшая свидетельствовать об этой полноте и нести ее миру как благовестие о спасении, перестала бы быть Церковью, ибо полнота эта и есть любовь Христова, делающая каждого христианина свидетелем и проповедником. А миссия и рост означают борьбу с миром и за мир, непрестанное усилие совести, ведения и любви, готовность дать всем ответ и всем служить. Практически это значит, что в Церкви все время возникают вопросы, сомнения, что в ней все время нужно возобновление свидетельства. А это требует усилия всех Церквей, их непрестанного и живого общения, их «соборования» для раскрытия **свидетельства**. И вот эта миссия Церкви в истории, это **делание** во времени, дают собору и его второе измерение или назначение: быть общим голосом, свидетельством многих церквей

³⁵⁾ G. Florovsky: The Sacrament of Pentecost. (A Russian View on Apostolic Succession. (The Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius, March 1934, N° 23, pp. 29-34.

в их онтологическом тождестве и единстве. Уже Апостольский Собор собирается не как регулярный и необходимый орган Церкви, а по поводу возникшего в эмпирической жизни вопроса — о смысле закона Моисеева для христиан. Затем мы ничего не слышим о соборах такого рода до конца 2-го века — до монтизма, вызвавшего напряженное сопротивление церковного тела.³⁶⁾ В третьем веке мы видим африканский собор, как регулярный институт — но снова это не регулярность органа власти, а только урегулированное соборование **по поводу** дел, касающихся всех африканских церквей. И, наконец, Никейский Собор, как и все другие вселенские соборы собираются опять таки неизменно **по поводу** вопроса, касающегося жизни и веры всех церквей и, если в них соборный институт достигает своей плиромы, то в этой плироме очевидно раскрыта и сущность его, как органа не власти, а общего и единого **свидетельства**.

7. В соборном институте лучше всего выражается общий принцип **первенства** в Церкви. Собор, потому что он первично укоренен в таинстве постановления Епископа, есть исторически, прежде всего **собор областной**, т. е. собор Церквей, находящихся в определенной и ограниченной области. Границы области определяются по разным принципам: они могут быть границами географическими, или совпадать с границами той или иной политическо-административной единицы, или, наконец, быть определены сферой распространения христианства из какого либо центра: в истории Церкви мы имеем все эти примеры. Церковно существенным признаком области является участие всех епископов ее в поставлении нового епископа, что и закреплено правилом Никейского Собора. Вторым же признаком области вытекающим из первого, следует признать наличие в ней **первого** епископа или «примата». Признак этот определен известным 34 Апостольским правилом: «епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его как главу и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения... Но и первый ничего не творит без рассуждения всех.. Ибо так будет единомыслие и прославится Бог о Господе в Св. Духе...» Каноном этим ясно определена сущность областного первенства: она не во власти, («примас» ничего не творит без рассуждения всех), а в выявлении **единомыслия** всех епископов, и, следовательно, согласия всех церквей.

³⁶⁾ А. И. Покровский: Собор Древней Церкви, эпохи первых трех веков. Серг. Посад. 1914.

Нам незачем здесь вдаваться в подробности сложной и в достаточной мере запутанной истории «митрополичьего округа» в древней Церкви.³⁷⁾ Но можно с достаточным основанием утверждать, что она является самой обычной, ибо самой естественной, формой связи между церквями, связи укорененной в таинстве поставления епископа, и также что областное **первенство** было наиболее других общепринятым и общецерковным выражением функции первенства. В категориях современного канонического права каждая митрополичья область была «автокефальной» — и это подтверждает и Вальсамон — ибо ее границами определялся собор епископов, участвовавших лично или через письменное согласие в поставлении новых епископов.

Но первенство областное не есть единственная форма первенства, засвидетельствованная в каноническом предании. Почти с самого начала Церковь знает также и более обширные союзы церквей с соответствующим «центром согласия» или первенством в них. При этом можно спорить, какая форма первенства исторически развилась первой. Христианство, как хорошо известно, утвердилось сначала в больших городах Империи и из них уже постепенно проникало в окружающие их области. И так как митрополичий округ предполагает множество местных церквей в каждом округе, то естественно предполагать, что сначала функции первенства принадлежали исключительно этим первоначальным большим центрам. Но и по возникновении и более точном определении митрополитанской системы, эти центры не утратили своей функции первенства, так что в них мы имеем как бы вторую степень первенства. Такими центрами во II-III веке были например, Рим, Антиохия, Александрия, Лион, Карфаген и т. д. Каковы же сущность и функции этой формы первенства? Знаменитое 6 правило Первого Вселенского Собора употребляет в определении ее слово «власть» (ἐξουσία). Но, как хорошо показал в своем толковании этого правила еп. Никодим Милаш,³⁸⁾ власть тут должна пониматься в контексте как «преимущество» или «привилегия». Канон определяет взаимоотношения между Александрийским епископом и митрополитами четырех митрополичьих округов, находившихся в пределах диоцеза Египта. В Егип-

те, позднее чем в других местах, утвердилась митрополитанская система и александрийский епископ, бывший всегда «главой» всего Египта, т. е. примасом среди всех египетских епископов, имел таким образом везде «преимущества» первенства, то-есть право созыва собора для утверждения и поставления новых епископов и т. д. Никейский собор, фиксируя митрополитанскую систему, как бы «синтезировал» ее с исконной формой церковной жизни в Египте. Он с одной стороны подчеркнул, что никто не должен быть поставлен епископом без соизволения митрополита (то-есть утвердил первенство областное), с другой же оградил «власть» Александрийского епископа на последнее утверждение избрания. Но как общее правило, Собор эту форму первенства в том же правиле определил, как **преимущество** Церквей. История Церкви нам показывает, в чем состояли эти преимущества: их можно определить как **первенство авторитета**. Подчеркнем здесь, что это первенство есть не столько первенство епископа той или иной Церкви, сколько первенство самой Церкви, особый духовный авторитет, которым она пользуется среди других местных церквей. Большинство местных церквей возникали в результате миссионерской деятельности церквей больших городов. От этих последних они получали правило веры, предание, и «закон молитвы», то-есть литургическую традицию. Большая часть этих первоначальных центров распространения христианства была освящена авторитетом апостолов, проповедывавших в них, и, наконец, более многочисленными, они были лучше «оснащены» богословски и интеллектуально. Естественно, что когда случались «прекословия церковные» эти церкви, с одной стороны, брали на себя инициативу их преодоления, то-есть выявления «единогласия» церквей по данному вопросу, с другой же — к ним обращались местные церкви, потому что их голос обладал особым авторитетом. Ранний пример такого первенства мы имеем в деятельности Св. Игнатия Антиохийского, Св. Поликарпа Смирнского, Св. Ириния Лионского, позднее — в Антиохийских или Карфагенских соборах третьего века и так далее. Это первенство авторитета не определимо в правовых нормах, ибо оно и не относится к категории права, как такового, но тем не менее оно вполне реально в жизни ранней Церкви, и на его основе разовьются позднее так называемые «патриархаты». Но опять-таки нужно подчеркнуть, что это первенство направлено неизменно не к власти **над** Церквями, а к выявлению и выражению их единогласия, их **тождества** в вере и в жизни.

37) См. В. В. Болотов: Лекции по истории др. Церкви, вып. 3.

38) Никодим Милаш, цит. соч. 1, стр. 194-204. По мнению Е. R. Ardi, Christian Egypt: Church and Peoples, New-York, 1952, pp. 54-59, это правило означает, что еп. Алекс. был фактически митрополитом всего Египта.

И, наконец, последней и высшей формой первенства является первенство вселенское. Эта форма первенства, из-за крайнего заострения анти-римской полемики, часто просто отрицается православными канонистами. Но, объективное изучение предания несомненно убеждает нас в том, что наряду с «приматами» областей и поместными центрами своего согласия, Церковь всегда знала и имела также первенство вселенское. Экклезиологическое заблуждение Рима состоит не в утверждении своего вселенского первенства, а в том, что это первенство он отождествил с **высшей властью**, с онтологическим субординационизмом, сделал из Римского епископа «*principium, radix et origo*»³⁹⁾ единства Церкви и самой Церкви. Но это заблуждение и извращение догмата о Церкви не должно приводить нас к простому отрицанию самого факта такого первенства, а, напротив, должно заставить поглубже вдуматься в православный смысл его.

Историческая же (и каноническая) правда состоит в том, что до того еще, что выкристаллизовались в окончательную форму союзы поместные, Церковь с первых же дней своего существования имела именно вселенский центр своего единства и согласия. Таким центром в первые десятилетия была Иерусалимская церковь или стала затем Церковь Римская — «председательствующая в любви», по выражению Св. Игнатия Антиохийского. Это выражение и заключенное в нем определение сущности вселенского первенства хорошо проанализировал о. Н. Афанасьев, и мы можем не останавливаться на нем.⁴⁰⁾ Не имеем мы возможности привести здесь и всех свидетельств Отцов и Соборов, согласно признающих Рим старшей Церковью и средоточием вселенского согласия Церквей.⁴¹⁾ Отрицать эти свидетельства, их *consensus* и значение можно только в полемическом задоре. Но так случилось, увы, что если католические историки и богословы неизменно интерпретировали эти свидетельства в юридических и правовых категориях, историки православные систематически преуменьшали их смысл. Православная наука еще ждет именно Православной, не отравленной ни полемикой, ни апологетикой, оценки места Рима в Истории Церкви первого тысячелетия.

³⁹⁾ *Encycl. S. Off. ad episcopos Angliae*, 16 sept. 1864. Denzinger — Banwart, ed. 10, N° 1686.

⁴⁰⁾ «Кафолическая Церковь», в Прав. М. 11.

⁴¹⁾ Богатый материал, хотя и в р. католической (впрочем умеренной) «обработке» его собран **Р. Batiffol**: «*L'Eglise naissante et le Catholicisme*», Paris, 1927. «*La Paix Constantinienne*», Paris, 1929. «*Le Siège Apostolique*», Paris, 1924, его же: «*Cathedra Petri*», Paris, 1938.

И если так, по существу, взвесить все эти свидетельства, то в них с очевидностью вскрывается сущность этого вселенского первенства: охранить и выражать единство Церквей в вере и жизни, охранять и выражать их единомыслие, не дать местным Церквам уединиться в «провинциализм местных преданий», ослабить кафолические связи, отделиться от единства жизни... В конечном итоге это значит: иметь заботу, *sollicitudo*⁴²⁾ о том, чтобы каждая Церковь была **полнотой**, ибо эта полнота есть всегда полнота всего кафолического предания, и не «части», а «целого», не «своего» — а единого и неделимого.

Из этого более чем схематического анализа понятия первенства в православной экклезиологии мы можем сделать следующее общее заключение: первенство в Церкви не есть **высшая власть**, потому что понятие высшей власти исключается природой Церкви, как Тела Христова. Но первенство не есть также и **председательство** если его понимать в современных «парламентских» или «демократических» категориях. Первенство, как и все в Церкви укоренено в природе ее, как Тела Христова. В каждой Церкви пребывает и вечно осуществляется Церковь Божья, но и все они вместе — вся та же единая, неделимая Церковь Божья, Тело Христово. Церковь Божья пребывает во множественности церквей. И именно потому, что все они онтологически та же Церковь, они связаны между собой не только этим онтологическим тождеством, но и видимой, постоянно живой и обновляемой связью — единством веры, единством «делания» или миссии, заботой о всем том, что заповедано и дано делать Церкви. Местная Церковь не может замкнуться, уединиться в себе, жить собой и своими «интересами», потому что та полнота, которую она имеет в себе, и есть полнота вселенской веры, полнота Христа «наполняющего все во всем». Ею нельзя жить не живя тем самым **всем** и **всеми**, и это значит — в пределе — вселенским сознанием Церкви, «рассеянной по всему миру, но живущей как бы в одном доме». Местная Церковь, оторвавшаяся от этого вселенского общения есть, по существу говоря, *contradictio in adjecto*. Такое обще-

⁴²⁾ Характерно, что после подробного анализа всех ранне-христианских свидетельств о примате Рима, **Р. Batiffol** приходит почти к такому-же определению: «*La «papauté» des premiers siècles est l'autorité qu'exerce l'Eglise romaine auprès des autres Eglises, autorité qui consiste à s'inquiéter (подч. мною. А. III.) de leur conformisme à la tradition authentique de la foi, autorité qui dispose de la communion à l'Unité de l'Eglise universelle, laquelle autorité n'est revendiquée par aucune autre Eglise que l'Eglise Romaine*». *Cathedra Petri*, p. 28.

ние принадлежит природе Церкви и именно природе ее как Тела Христова. Оно имеет, следовательно, и свою форму или выражение — и это и есть **первенство**. Первенство есть необходимое выражение единства веры и жизни местных церквей и их живого и действенного общения в этой жизни. И, с этой точки зрения, мы можем вернуться к тому определению первенства, с которого мы начали наш анализ. Первенство есть **власть** — только это не **другая** власть, чем та которую имеет епископ в своей Церкви и не **высшая** по отношению к ней. Это та же самая власть, но именно потому что это та же самая власть, которую имеет каждый Епископ, и служение власти в Церкви Божией пребывающей в каждой Церкви, ее выражает **один** — первенствующий, как власть каждого и всех, Церкви и Церквей. Подчеркнем, что в каноническом предании первенствующий есть всегда епископ Церкви, т. е. епископ, возглавляющий определенную церковь, а не епископ «вообще», причем служение первенства принадлежит ему, как Епископу именно этой Церкви.⁴³⁾ Ранние памятники говорят о первенстве Римской Церкви, но меньше всего мы знаем о первых римских епископах, хотя, естественно думать, что именно они, как епископы, выражали это первенство Церкви, «председательствующей в любви». К Церкви, действительно, можно по аналогии применить триадологическое богословие. Как Три Ипостаси в Пресвятой Троице не делят Божественной Природы, но каждая из Них, целостно и неделимо обладает и живет Ею, так и природа Церкви — Тело Христово — не делится во множественности Церквей. Но, как и Божественные Лица имеют «счисление» по выражению Св. Василия Великого, так «счисляются» и Церкви, и среди них есть **иерархия**. И в этой иерархии есть **первая** Церковь и первенствующий Епископ. Иерархия не умаляет, не «субординирует» Церквей одну другой, но вся цель, все назначение ее в том, чтобы каждая Церковь жила всеми и все каждой, ибо эта жизнь в каждой и каждой во всех и есть тайна Тела Христова, «полноты, наполняющей все во всем».

8. Такое понимание первенства укоренено, как мы уже говорили, в экклезиологии, которую можно назвать евхаристической, и которая, по нашему глубокому убеждению, лежит в основе канонического и литургического предания Церкви. Этой экклезиологии, как отклонение от нее, как результат ее «метаморфозы», противостоит экклезиология «универсальная». Мы видели,

⁴³⁾ См. о. Г. Флоровский: *The Sacrament of Pentecost*, p. 31.

что она необходимо приводит к понятию и факту высшей власти, и в итоге — к вселенскому епископу, источнику и основе всей структуры Церкви. В чистом — римско-католическом виде — Православная Церковь отвергла и осудила такую экклезиологию, как ересь о Церкви. Но это не значит, что соблазн и яд ее не отравляют православного сознания. И этот соблазн тем сильнее, что, в конечном итоге, «универсальная экклезиология» **натуральна**, есть продукт «натурализации» христианства, применения его к жизни «по стихиям мира сего, а не по Христу». Только исторические истоки этого соблазна на Востоке иного порядка, чем на Западе. Поскольку же в наши дни споры о Церкви внутри Православия все очевиднее сводятся как раз к этому, основному вопросу о понимании природы Церкви, кратким анализом этих соблазнов мы и закончим наш очерк.

Сравнительно недавно среди православных возникло учение о том, что в основе Церкви и ее жизни лежит **принцип автокефальности**, причем под «автокефалией» здесь разумеются так называемые поместные Церкви — Восточные Патриархаты и Церкви наций или государств. Подчеркиваем, этот принцип автокефальности в указанных учениях толкуется не как одна из исторических форм воплощения Церковью своего вселенского устройства и связи между местными церквями, а как, именно, богословский, экклезиологический фундамент всего церковного устройства и всей церковной жизни. Иными словами, единому вселенскому организму римской экклезиологии противопоставляются организмы автокефальные — то-есть, поместные Церкви (состоящие, как известно, из множества **епархий**) с их собственными центрами или высшей властью. Все эти автокефальные организмы абсолютно равноправны и это равноправие совершенно исключает наличие какого либо вселенского центра или первенства.⁴⁴⁾

Возникновение этой теории и даже некий *consensus* в ней канонистов и богословов самых разных направлений, конечно, не случайны. Они не случайны, во первых, потому, что принцип автокефалии в последние столетия действительно был единствен-

⁴⁴⁾ Наиболее «богословское» выражение этой теории дано в уже указанных статьях **иером. Софрония** и **прот. Е. Ковалевского**. В категориях более юридического канонического права ее защищает в своих многочисленных статьях проф. Троицкий (срв. **И. Мейендорф**: *Константинополь и Москва* в Ц. В., 16, стр. 5-9). Наконец «национальное» обоснование, мы находим в книге **прот. М. Польского**: «Каноническое положение высшей церковной власти», 1948. По этому поводу, см. мою работу «Церковь и церковное устройство», 1949.

ным принципом устройства Православной Церкви, и в этом смысле, ее «действующим правом». А во вторых, потому что «автокефалия» в таком понимании ее наилучшим образом соответствует специфически-восточным соблазнам «натурализации» христианства, редукции Церкви к природному, земному и мирскому. А это, в свою очередь, и объясняет почему именно «автокефалия» стала в Православии «действующим правом» и в ней стали видеть основу православного канонического предания.

Все перебои и ослабление экклезиологического сознания на Востоке можно так или иначе свести к двум основным причинам: к недолжному слиянию Церкви с государством (византийская симфония и ее разновидности) и к религиозному национализму. Две эти причины и лежат в основе современных новых попыток в «автокефалии» усмотреть «основной закон» Православной Церкви.

Мы не можем здесь подробно останавливаться ни на одной из этих причин, а также на подробностях их влияния на церковное сознание. Мы можем только схематически свести их к следующим основным положениям:

Слияние Церкви с государством, т. е. вся сложность и трагическая история византийской теократии, с точки зрения нашей темы, привела фактически к перерождению понимания власти в Церкви. Лапидарно это перерождение можно определить как постоянное проникновение в Церковь юридического и государственного понимания власти и соответствующее ослабление понятия власти благодатной, как харизмы или служения власти в Теле Христовом. Можно сказать еще и так: сакраментальная власть отделилась от власти «юрисдикционной». Правда еще и сейчас (несмотря на усиливающуюся тенденцию укоренить власть в демократическом начале «представительства» иерархии, клира и мирян) епископ, чтобы иметь власть, должен быть епископом, то-есть, быть поставлен в таинстве хиротонии, но, фактически, источник его «юрисдикции» не в таинстве, а в тех «полномочиях», которые он получает от «высшей власти», — перед которой он и ответствен. В последнее время епископы даже «рапортовали» высшей власти, как губернаторы: одни о «вверенной» им епархии (в ожидании того, что высшая власть «вверит» им другую), другие о вверенной им губернии... Лучшее всего перерождение понятия власти в Церкви видно на двух примерах: на «метаморфозе» в Византии **соборного института**, и на постепенно развившейся мистике **высшей власти**: Патриарха и его управления.

Мы знаем, что в ранней Церкви **собор** был по самой своей природе **съездом** епископов — то-есть, институтом не постоянным, а действующим в какие-то сроки. Соборы могли быть (и в определенное время стали) **регулярными**, могли быть и **экстраординарными**, но их непременным условием мыслилась реальная связь епископов со своими церквами, ибо только в качестве глав церквей, «предстоятелей» их в самом глубоком и онтологическом смысле этого слова, епископы и участвовали в Соборе — **выражении** единомыслия и единосущия Церквей, как Церкви Божией. Начиная с четвертого века, правда не сразу и не повсеместно, но это понимание собора стало уступать место другому: пониманию его как высшей и центральной власти **над** церквами. Лучшим показателем этой перемены является знаменитый *σύνδος οὐδημοῦσα* в Константинополе, зародыш и источник позднейших «синодов». Возникший, как случайный собор *ad hoc* — составлявшийся из находившихся по той или иной причине в столице епископов, собор этот постепенно превращается в постоянный **орган власти** при Патриархе.⁴⁵⁾ так что условием участия в нем должно быть нечто прямо противоположное условию ранне-церковных соборов: а именно — **отрыв епископа от своей Церкви**. Епископы делают так сказать, властью самой в себе, а их **синод** — высшей или центральной властью. Еще шаг — и епископы на местах становятся с точки зрения власти или «юрисдикции» представителями, экзархами, этой центральной и высшей власти. Повторяем, это схема, но ее можно было бы легко обосновать историческими фактами.⁴⁶⁾ От *σύνδος οὐδημοῦσα* к «Правительствующему Синоду» русской церкви идет прямая дорога, усложненная, правда, еще заимствованиями из западного «синодального» права, но источник и того и другого в государстве — в соприродном ему понятии высшей власти, как источника всякой власти «на местах»...

Не менее характерно развитие того, что можно было бы назвать «патриаршей мистикой», первое воплощение и образец которой мы находим опять таки в росте и развитии власти Константинопольского Патриарха. По существу эта мистика глубоко отлична от мистики римского папизма. Корень последней в пережива-

⁴⁵⁾ Скабалланович: Виз. Госупр. и Церковь, в 11-ом веке. СПб. 1884. E. Gerland: Die Vorgeschichte des Patriarchats des kl. Byz. Neues Jahrb. IX, 218. 59.

⁴⁶⁾ И. И. Соколов: Избрание Архиепископов в Византии, 9-15 вв. Виз. Врем. 22, 1916-16.

нии Церкви, как вселенского организма, призванного властвовать и над миром. Корень первой — в параллелизме Царства и Церкви, требующем соответствия Императору в Патриархе. Надо снова и снова повторять, что основа власти Византийского Патриарха не в «властолюбии», а в параллелизме двух «высших властей»: царской и церковной, параллелизме, вытекавшем из самой сущности византийской теократии.⁴⁷⁾ И опять таки корень ее — в государственном, а не церковном понимании власти.

Так или иначе, но в перерождении самой идеи власти, в хотя бы частичном, но отрыве ее от экклезиологии Тела Христова, и в естественном при этом возникновении **высшей власти** — первый и трагический перебой в истории православной экклезиологии. Настало время, думается, открыто признать, что во многих смыслах **золотой век Церкви** — ее византийский период, был тем не менее и началом затемнения, заболевания экклезиологического. Мистика симфонии (с единственным из нее выходом — монашеской пустыней, одиноким «деланием» спасения) заслонила собой реальность Церкви, как Народа Божьего, как Церкви Божьей и Тела Христова, являемого и созидаемого во всяком месте. Это было торжество универсальной экклезиологии в ее византийском варианте.

Но государство и его идея власти суть только одна из двух главных причин этого затмения. Второй, не менее важной по своим последствиям, следует признать постепенный рост и развитие **религиозного национализма**. И снова, нет возможности излагать здесь его историю сколько нибудь подробно. Но вряд ли кто будет отрицать, что одним из плодов византийской теократии, омрачившим надолго историю Православного Востока, был рост этих религиозных национализмов, сливавших постепенно Церковь, ее структуру, ее устройство — с нацией, то-есть делавших ее религиозным выражением национального бытия.⁴⁸⁾ Между тем национальное бытие, сколь естественно и, следовательно, закономерно оно бы ни было, есть по природе своей бытие **частное**, бытие как **части** человечества, не обязательно враждующей против других частей, но обязательно противостоящей им, как свое — чужому. Ранняя Церковь переживала себя как «род третий», в котором нет ни эллина, ни иудея. Это значит, оно несло и давало такую жизнь, которая, не отрицая «частности» природного бытия, преодо-

47) Срв. мои статьи «Судьбы Визант. Теократии», в Прав. М. 6 и «Byzantine Theocracy and the Orthodox Church» in St. Vladimir's Seminary Quarterly, 1953.

48) См. «Судьбы Византийской Теократии».

левала и преображала ее в «целостность» или **кафоличность**.⁴⁹⁾ Отсюда ясно, что всякий религиозный национализм есть подлинно и существенно ересь о Церкви, ибо он низводит благодать и новую жизнь обратно к «природе» и ее делает определяющим признаком Церкви... Это не значит, что не может быть христианских народов и христианского призвания народов. Это значит только, что и христианский народ, т. е. народ, осознавший свое христианское призвание, все равно не становится Церковью, ибо природа Церкви — Тело Христово; она принадлежит по этой природе Царству будущего века и не может слиться ни с чем в «мире сем»...

Но именно этот религиозный национализм в сочетании с перерожденным, государственным пониманием власти и есть основа той теории автокефализма, которая долгое время царила *de facto*, как «действующее право» на Православном Востоке, и под которую теперь ее защитники пытаются подвести богословское основание. О богословской и канонической слабости этого обоснования я писал в другом месте и на этом не буду задерживаться здесь.⁵⁰⁾ С интересующей нас в настоящем очерке точки зрения важно то, что теория эта, основанная на желании во что бы то ни стало оправдать современное «действующее право», то-есть национальное разделение Церкви с одной стороны, церковно-административную централизацию с другой, фактически вводит в православное учение о Церкви чуждые ей, осужденные ею элементы «универсальной экклезиологии». Она заменяет сакраментально-иерархическую и соборную структуру Церкви, укорененную в учении о Телесном Христовом, структурой, основанной на огосударвленном понимании власти и на идее «национального», то-есть природного организма.

О ложности этой теории по существу и о вредных последствиях ее в жизни Церкви писалось и говорилось много в Православной Церкви. Можно сказать, что церковное сознание никогда не «рецепировало» и не приняло ее, как Предания, как свидетельства о природе Церкви. Ни теория «пяти чувств» — первая реакция византийских канонистов на римские притязания, ни абсолютный «автокефализм» национальных теократий, родившихся из

49) Здесь можно полностью принять слова Хомякова о кафоличности: «Церковь кафолическая есть Церковь по всему или единству всех.... Церкви свободного единодушия, единодушия полного, Церкви в которой исчезли народности, нет ни греков, ни варваров, нет различий по состоянию, нет ни рабовладельцев, ни рабов; та Церковь, о которой пророчествовал Ветхий Завет и которая осуществилась в Новом Завете...» (Полн. Собр. соч. т. 2, 1860, стр. 311).

50) См. перечисленные выше статьи.

борьбы против теократии византийской, ни синодальный строй Русской Церкви не смогли стать органическим выражением церковного сознания, до конца затемнить подлинные, благодатные источники церковного устройства.⁵¹⁾ Такими источниками были и остаются подлинное каноническое предание и Таинства, которыми живет и в которых осуществляет себя Церковь...

Нужно ли еще говорить о практической вреде, принесенном Церкви этим «действующим правом», оторвавшимся от живых источников православной экклезиологии? С одной стороны — мертвящий бюрократически-административный дух, пронизывающий Церковь, превращающий ее в «ведомство православного исповедания», отсутствие живой соборности, превращение епархий в простые административные единицы, живущие под контролем абстрактных «центров», отрыв «власти» от тела церковного и, как реакция на это — «восстание низов», проникновение в Церковь идей «представительства», «интересов» того или иного строя, мирянского «контроля» и так далее, отделение иерархии и духовенства, как «правлящего» класса от laikов, ставших «мирянами» и так далее⁵²⁾ С другой стороны — глубокое, трагическое разделение

51) История православной экклезиологической мысли еще не написана. Тем не менее, очевидно, что в ней все время шла борьба за истинное учение о Церкви, за полноту церковности. Так, например, проявлением такой борьбы несомненно было славянофильство. Но в своем протесте против юридического и бюрократического понимания Церкви, славянофилы опирались на недостаточно ясное определение **органического** единства Церкви. Их «организм» несомненно имеет одним из своих источников немецкую идеалистическую философию 19-го века. Срв. **о. Г. Флоровский: Пути Русского Богословия, 1937.** Но заслуги их в пробуждении церковного сознания не должны быть преуменьшаемы.

52) С этой точки зрения еще ждет своей экклезиологической оценки Русский Собор 1917-18 г. Не отрицая его положительного значения в трагический момент истории Русской Церкви и значения, именно, как **свидетельства** о ее жизненности, следует существенным образом ограничить ценность его канонической деятельности. «Соборность» тут понимается именно, как «представительство», причем самым вредным последствием такого понимания является идея, что в Церкви есть «интересы» или «точки зрения» епископов, духовенства и мирян в раздельности. Это по существу идея того же клерикализма, но в «конституционной» переработке. Отсюда все более очевидное стремление разделить жизнь Церкви на сферу чисто «духовную» — догматы и мораль, являющуюся сферой исключительной деятельности «духовенства», и сферу «управления» и так далее, в которой миряне должны иметь почти руководящее значение. Но все это очень мало соответствует учению о Церкви, как Теле Христовом, как **воплощении** духовного и **одухотворении** «материального, в нераздельном таинстве Церкви: Христа в Своем Теле. См. об этом: **о. Н. Афанасьев: «Служение мирян в Церкви», Париж, 1956 г.**

православия на, в лучшем случае, равнодушные друг к другу национальные миры, живущие своим и для себя, угасание вселенского сознания, ослабление связей католических и живого общения между Церквами...⁵³⁾

Но болезни эти, надо надеяться и верить, не к смерти. Сила Христова в немощи совершается и врата ада не одолеют Церкви. В муках и скорбях рождается новая жажда о правде Церкви, возрождается живой интерес к таинственным и благодатным основам ее жизни и устройства. Тот вопрос который мы поставили и пытались хотя бы кратко и предварительно осветить в этой статье, — вопрос о «первенстве», не может быть отделен от такого целостного и глубокого возврата к православной экклезиологии. Указать на это и было нашей задачей.

АНГЛО-РУССКИЙ СЪЕЗД В ЛАГЕРЕ Р.С.Х.Д.

(18-20-VII-1961)

Этим летом, в течение лагеря, состоялся съезд двух студенческих движений молодежи — Британского Студенческого Движения и Р.С.Х.Д. На этот съезд прибыла делегация англичан (11 человек); во главе англиканской группы был пастор Хансон, профессор Дюрхамского Университета, во главе пресвитерианской группы — пастор Холл, профессор Кембриджского Университета. Делегаты в большинстве были студенты богословы. Со стороны православных участвовали прот. Алексей Князев, проф. Св. Сергиевской Духовной Академии в Париже, Н. А. Куломзин доц. той же Академии, Ф. Хопко, студент Св. Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке, В. Водов, проф. русского языка в Страсбурге, а также молодежь студенческого лагеря Движения и руководители Дружины Движения.

Центральной темой съезда был вопрос о **традиции**. Охватывая все вопросы, связанные с понятием **истины** и его выражением в Церкви, тема эта позволяла участникам проникнуть, как бы в самую суть представленных вероисповеданий, поэтому доклады и их обсуждение вызвали подлинный и оживленный интерес.

Программа съезда была распределена на три дня: каждый из них был посвящен одному вероисповеданию и протекал по следующему образцу: накануне вечером читалось краткое сообщение о литургии данного ве-

53) Трагические последствия этого можно с особенной ясностью наблюдать в местах православной «диаспоры», в Зап. Европе, Америке и т. д., где плюрализм национальных юрисдикций является радикальным тормозом роста Православия и его свидетельства перед инославием.

роисповедания, литургия же совершалась на следующий день утром. За ней следовали библейские кружки (в каждый кружок входили делегаты разных вероисповеданий) и наконец, утром заслушивался основной доклад главы делегации. После обеда доклад обсуждался всеми сообща. Помимо своей духовной и богословской стороны, съезд позволил установить тесные дружеские отношения. Наши гости за несколько часов слились с нами и вошли всецело в нашу лагерную жизнь. Очень весело и удачно проходили «увеселительные» вечера в студенческом клубе.

Если подвести итоги съезда с точки зрения лагерной жизни, то можно сделать следующие замечания: съезд, несомненно, хотя бы на некоторый срок повысил духовный и интеллектуальный уровень жизни студенческого лагеря. Но ставится вопрос: не было ли слишком большой разницы между богословским уровнем наших рядовых участников и уровнем наших гостей? Может быть лучше было бы, в будущем, либо нам к такому съезду приготовить свою прочную богословскую группу, что может позволить более живое участие всех членов съезда, либо приглашать не студентов богословов, а молодежь равносильную нашим лагерщикам. Второе предложение позволило бы сделать съезд более доступным для широких кругов лагеря. Наконец, съезд устраиваемый в лагере, вызывает немалые практические затруднения: многим лицам, в частности, духовному руководителю лагеря и руководителям отрядов было очень трудно совместить участие на съезде с их регулярной лагерной работой.

**

Обсуждения вращались вокруг центральной темы о Библии и Традиции. Вопрос о взаимоотношениях Священного Писания и Церковного Предания ставится по-разному у нас на Востоке, и здесь на Западе: заострился он на Западе во времена отделения Протестантских церквей. Реформаторы видели в современной им церковной действительности отрыв богословия от его библейских истоков. По сей день весь протестантский мир провозглашает, что Священное Писание есть та богодухновенная книга, на основании которой он требует радикального пересмотра всех данных римского богословия и всех норм церковной жизни. Рим поставил ударение на сохранении Традиции. Получилось противопоставление Библии и традиции.

В сознании православного христианина само это противопоставление звучит искусственно. Если мы обратим внимание на то, как жила Церковь до разделения, то мы увидим во-первых что даже Арий, оказавшийся осужденным, и Несторий и монофизиты, не говоря об отцах, все богословствовали, исходя от Писания. Ничего иного они все не искали, чем истины о Христе. Не все оказались правыми. Вопросы обсуждались, переживались, решались на Соборах; после Соборов не сразу решения принимались сознанием Церкви. Истина торжествовала не на основе материальных критериев верности, а путем жизни Церкви. Церковь создавалась в веках дарами Духа Святого и дары эти из поколения в поколение раскрывали Христа как Истину, и хранение истины мыслилось отцами не как пассивное сбережение пыльных томов никем не читаемых, а как живое переживание каждым поколением истины Христовой, открытой раз на всегда во Христе, но заново открываемой в жизни

Церкви. Мы, живя в Традиции, живем и создаемся во Христе дарами Духа, того же Духа, который жил и будет жить в Церкви. Обмен мнений православных с инославными на Западе могут привести новые живительные струи в старых спорах между католиками и протестантами.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД УЧЕНЫХ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗУЧЕНИЮ НОВОГО ЗАВЕТА

: «НОВЫЙ ЗАВЕТ В НАШИ ДНИ»

Оксфорд 11 — 15 сентября 1961 г.

По инициативе Оксфордского Университета, четыре года тому назад было положено начало регулярным съездам ученых из всех стран мира для обмена нужными информацией, мнениями и совместного изучения вопросов, связанных с Новым Заветом. Состоявшийся недавно Съезд ученых был назван «Новый Завет в наши дни», т. е., «что именно наука наших дней говорит о Новом Завете и обо всем, что там написано».

11 сентября 1961 года в Оксфорд съехалось более шестисот ученых. Были представлены все христианские исповедания, а также (в небольшом количестве участников) и нехристианские религии — еврейская и мусульманская. Были также и ученые, не принадлежавшие ни к какой определенной религии. Работа Съезда носила чисто научный характер. Съезд, который продолжался неполных четыре дня, был так хорошо организован, что на нем удалось прочитать свыше 140 лекций, докладов и сообщений на самые различные темы. Некоторые лекции зачитывались на пленарных сессиях, некоторые — в больших, средних или совсем немногочисленных группах. На некоторых из них проводились дискуссии.

С очень интересными докладами выступали представители Католической Церкви — из Англии, Франции, Польши, Германии и Америки. Чрезвычайно многочисленны были доклады представителей Англиканской Церкви и различных протестантских церквей. На Съезде была представлена и Православная Церковь. К сожалению, ее делегация была немногочисленна; представители Русской Православной Церкви из СССР не смогли приехать, хотя имя одного из них стояло в официальном списке Съезда. Из других православных стран Восточной Европы тоже никого не было. Были православные делегаты из Греции, Турции, Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции. Но их было немного и, в сравнении с многочисленными католическими и другими делегациями, они терялись в общей массе. Тем не менее, два православных делегата приняли активное участие в Съезде своими выступлениями. Ректор Православного Богословского Института в Париже, Епископ Кассиан (один из главных переводчиков нового перевода Евангелия на русский язык, изданного Британским Библейским Обществом) — проводил каждое утро чтение и толкование Евангелия в одной из семи групп, на которые для этой цели разделялись участники Съезда.

Несмотря на принадлежность выступавших к различным исповеданиям, — а иногда и ни к одному из них — на Съезде царил дух единства и научной солидарности. Все стремились подойти к интересовавшим их проблемам с чисто научной точки зрения.

Весь Съезд можно охарактеризовать так: он ясно показал, что современный научный метод не удаляет, а возвращает ученых к утверждению, что Христос **существовал как историческая личность**, и подтверждает прямую историческую связь Христианства с проповедью и мыслями самого Христа — Иисуса из Назарета.

Съезд показал, что в наши дни некоторые идеи 19 века о том, что Христос якобы никогда не существовал, следует признать с научной точки зрения — давно устарелыми. Люди, придерживающиеся еще и сейчас этих взглядов, в сущности, повторяют лишь все те же аргументы 19 века, которые серьезными учеными нашего времени признаны потерявшими научную силу.

Открыл Съезд Проректор Оксфордского Университета, профессор Маккалум, который приветствовал от имени Университета всех собравшихся ученых.

В своем вступительном слове профессор Маккалум сказал, что Университет придает очень большое значение научным исследованиям в области Нового Завета. Теперь в Оксфорде существует особый факультет Востоковедения и на этом факультете видное место занимают вопросы Нового Завета. Среди работников Оксфордского Университета есть немало ученых — мирян, не связанных непосредственно с Церковью, которые вносят много нового в область изучения Нового Завета с объективной, научной точки зрения.

Проректор Университета предоставил затем слово Духовному Главе Англиканской Церкви, Архиепископу Кентерберийскому, указав, что Др. Михаил Рамзей известен не только как Архиепископ, но и как крупный ученый.

Архиепископ Рамзей обратился к присутствующим со вступительной лекцией. Он сказал, что как ученый он будет говорить о чисто научном подходе к евангельскому тексту, а как Духовный Глава Церкви он считает нужным особенно подчеркнуть необходимость для Церкви такого строго научного метода.

В своей лекции Архиепископ Рамзей проанализировал описание в Новом Завете страданий Христа с научной точки зрения. Следует обратить внимание на то, что описание состоит из многих различных элементов, находящихся в разных местах Нового Завета — четырех евангельских и апостольских посланиях. Все тексты, каждый по своему, вносят нечто новое в общее повествование, но все они базируются на основном рассказе о том как —

ИИСУС — НЕВИННЫЙ ИУДЕЙСКИЙ УЧИТЕЛЬ — ПОСТРАДАЛ ОТ ИУДЕЙСКИХ СТАРЕЙШИИ, КОТОРЫЕ УБЕДИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ОСУДИТЬ ЕГО НА КРЕСТ.

Этот основной рассказ — особенно отчетливо переданный у евангелиста Марка — теперь рассматривается критической наукой как исторически подлинный. Анализируя другие тексты мы видим, как апостольские послания поясняют этот рассказ, вносят в него религиозный смысл,

как бы некое религиозное наслоение. Так, например, в посланиях апостола Павла говорится, что «Христос пострадал за человечество как жертва за грехи всех людей». Каждое Евангелие также придает этому основному рассказу свой оттенок: в то время, как евангелист Марк подчеркивает одиночество покинутого всеми Христа, евангелист Лука описывает обращенное к Нему человеческое сочувствие и покаяние, как, например, покаявшегося разбойника, а евангелист Иоанн — победу и славу Христа, победившего своим страданием зло и привлекшего этим к себе людей.

Но что удивительно — все эти различные тексты и различные источники, несмотря на позднейшие религиозные наслоения — в основной идее совершенно едины и ни в чем не составляют контраста основному историческому рассказу: они создают одну и ту же картину, один и тот же цельный облик невинного и побеждающего своим страданием Христа. Без этой общей картины основной исторический рассказ — не совсем ясен. С другой стороны, именно в этом основном историческом рассказе есть элементы полностью соответствующие этой общей картине. Христос страдает за свою совершенную святость именно потому — что люди не могут принять этой святости. Это — конфликт чистого добра с тем злом в людях, которое выражается в виде так называемого чувства «собственного достоинства», от которого люди не могут отказаться и на котором строят свое земное царство.

Архиепископ Рамзей далее показал, как все отдельные места Нового Завета, в которых говорится о страданиях Христа, дополняют эту единую картину совершенно неповторимым образом, делая основную евангельскую идею еще более выпуклой.

На следующий день всеобщее внимание привлек доклад профессора Гейдельбергского Университета Гюнтера Борнкама, представителя известного крайнего протестантского направления. Из этой школы вышли в свое время те протестантские ученые, как Штраус и Дреус, которые в 19 веке положили начало сомнениям в том, что Христос вообще существовал как историческая личность. В настоящее время, как мы уже указали, объективная историческая наука полностью отвергла этот взгляд, как ненаучный: слишком много сейчас научных данных, делающих невозможной такую гипотезу. Если пользоваться аргументами этой гипотезы, то — как выразился во время съезда один из находившихся там ученых — «можно доказать, что и Наполеона никогда не было». Так можно было бы подвергнуть сомнению историческое существование многих великих людей прошлого. Но подлинная наука таким путем не идет.

Лекция профессора Борнкама показала — и это после нее отметил профессор из Голландии — насколько большие сдвиги произошли в воззрениях крайнего протестантского крыла Германии. Профессор Борнкам говорил «об историческом Иисусе и о евангельском Христе». Он проследил путем современного научного анализа жизнь Христа и пришел к выводу, что чисто исторические данные об Иисусе настолько тесно связаны с евангельскими религиозными идеями о Христе, представляют собой такое гармоническое целое, что их нельзя разделять, это противоречит современным научным методам. Из чисто религиозных новозаветных представлений историк может почерпнуть очень многое для того, чтобы увидеть исторического Христа таким, каким Он был на самом деле. Из этого не следует, что научный метод подтверждает божественность Хри-

ста — это вопрос веры, а не науки; но ненаучно пользоваться наукой, чтобы эту веру опровергнуть; вера и наука — разные области.

Норвежский профессор из Осло, др. Аален внес большой вклад в общую работу Съезда своим исследованием Евангелия от Иоанна. В 19 веке установилось мнение, что это — четвертое — евангелие написано под влиянием эллинистических идей и является наследием греческой философии и религиозных воззрений, а не ветхозаветной религии евреев.

В наше время — после сравнительно недавнего открытия рукописей Мертвого моря, принадлежавших древнему еврейскому монастырю «Кумран» — такое мнение потерпело полный крах: открытые рукописи показали прямую связь идей евангелия от Иоанна с идеями древних евреев. Профессор Аален подтвердил это и своим анализом. По его мнению, это особенно ясно видно в учении об Истине, изложенном в евангелии от Иоанна. Понятие «Истина» как основа всего, как «невидимая реальность» — встречается и у древних философов. Но у них она носит характер релятивизма, относительности: она не едина, истин много. В евангелии от Иоанна — профессор Аален показал это интересным лингвистическим анализом — Истина **едина**; нет многих истин, она только **одна**. Это — Божественная реальность, явленная на земле для человека, чтобы дать ему Вечную Жизнь. Поэтому «Истина» есть и «Путь» и «Жизнь», как говорит о себе самом Христос.

Такая идея совсем не свойственна греческой философии, это — прямое наследие ветхозаветной Библии.

Англиканский священник Кауттс в интересном докладе отметил, что в Евангелии от Иоанна есть много указаний на то, что Иисус считал себя Христом — Мессией, буквально — «Помазанником Божиим», тем, кто несет спасение всему народу. И однако, в евангелии также ясно видно, что Иисус избегал утверждать это публично. Кауттс поставил вопрос: Почему? — В оживленной дискуссии на эту тему ее участники пришли к выводу, что понятие Мессии до распятия и после распятия, т. е., у древних евреев и у христиан, были полной противоположностью. Мессия евреев был — завоеватель, земной царь — освободитель; Мессия христиан был — освободитель от греха, пожертвовавший собою для спасения людей. Иисус, если бы Он явно назвал себя Мессией до распятия, пошел бы мирским путем древних евреев, т. е. Он пошел бы не по тому пути, который Он сам себе избрал. Этот путь даже Его ученики не могли понять прежде распятия; только крестные страдания раскрыли смысл истинного Мессии, нужно было раскрыть этот глубокий смысл самым делом, одни слова тут помочь не могли. Вот почему Иисус избегал публично называть себя Мессией до воскресения.

Чрезвычайно был интересен доклад профессора Хука, в котором он провел параллель между ветхозаветным рассказом о вознесении на небо пророка Илии и евангельским повествованием о вознесении Христовом. В обоих случаях видна одна и та же идея: необходимо уйти из этого материального мира на небо, в иной духовный мир, чтобы на оставшихся (в первом случае на пророка Елисея, во втором случае — на апостолов) сошел Дух Святой. Духовная жизнь невозможна, если тело находится в рабстве у земной природы.

Из доклада Хука было видно, что **вся идея вознесения** в Священном Писании, как Ветхого так и Нового Завета — глубоко духовна. Люди, воспринимающие вознесение **физически, как полет** на ви-

димое небо вроде самолета или ракеты — остаются в рабстве у земной природы и неспособны к духовной жизни, не понимая самого смысла вознесения. И вознесение пророка Илии, и вознесение Христова было и з м е н е н и е м — переходом из материального, физического мира в духовный метафизический. Только так восприняв эту идею Священного Писания и описанные им факты, можно верно понять о чем именно говорит оно нам в данном случае.

Известный французский католический богослов Даниелу говорил об аллегорическом толковании Священного Писания. Как следует толковать Библию. Правы ли те толкователи, которые во всем Священном Писании, особенно Ветхого Завета, видят одну лишь аллегорию. Или правы те, кто все понимают исторически, буквально.

По мнению Даниелу, с тех пор, когда христианский учитель Ориген и его Александрийская Школа ввели в III веке аллегорический метод — в христианской Церкви воцарился хаос в области толкования Священного Писания, продолжавшийся, по его словам, до самого последнего времени. Даниелу рассказал, что совсем недавно открыт старинный папирус с древними текстами христианского писателя Мелитона. Этот папирус опубликован всего лишь за два месяца до Съезда. В этих текстах Мелитона дается правильный метод толкования Священного Писания, применявшийся христианами на самой заре христианства. Даниелу назвал этот метод не «аллегорией», а «типологией» от греческого слова «типос» — «прообраз». В то время, как аллегория уводит в фантазию, (аллегорический метод заимствован у греческих толкователей Гомера), типология от Истины не отрывается. Сущность этого метода в том, что во всем Священном Писании центральным фактом, непреложной истиной, является жизнь, страдания, смерть и воскресение Христа. Все остальное — прообразы. Они в Ветхом Завете прообразуют то, что в Новом Завете становится реальностью. Господь путем Ветхого Завета готовил людей к восприятию Нового и после его наступления прообраз остался лишь прообразом.

Применяя этот метод, толкователь от Истины не отрывается и духовный смысл Священного Писания не смешивает с историей, той прозаической историей человечества, которую изучает историческая наука. И одно, и другое — крайности. Об этих крайностях хорошо знали христиане уже в первые века, как это теперь видно из новооткрытого папируса. Св.мученик Иустин Философ писал в III веке: «Никто не поймет Священное Писание, если не будет знать этого правила».

Профессор Мюнстерского Университета в Германии Курт Алланд проследил развитие так называемого «канона» книг Нового Завета, т. е. выбора Церковью именно тех писаний, которые сейчас входят в Новый Завет. Их всего 27, и выбраны они из многих десятков различных христианских произведений первых веков нашей веры. Совсем недавно найдено одно из таких произведений, о котором часто упоминали древние церковные писатели, но текст которого был утерян. Оно носит название «Евангелие от Фомы» и включает в себе несколько сот изречений, приписываемых Христу. Церковь это «Евангелие от Фомы», вместе со многими десятками других т. н. «апокрифов» отвергла, как неподлинное.

27 отобранных Церковью книг Нового Завета, в отличие от ею отвергнутых, составляют изумительное гармоническое единство, несмотря на то, что написаны они разными авторами, со множеством поздней-

ших вставок, а собраны в одну общую книгу не одним человеком, а многими тысячами людей на протяжении веков... Процесс этого отбора шел с большими трудностями и борьбой и — сказал профессор Алланд — «в этом изумительном отборе можно видеть Промысел Божий, руководивший Церковью».

Профессор Алланд, изложив современное далеко не единодушное отношение христиан к этому вопросу, призвал современных христиан последовать примеру предков и, подчинив себя Промыслу Божию, объединиться и оберечь Священное Писание для будущих поколений.

Несколько докладов были посвящены вопросу переводов Нового Завета с греческого подлинника на другие языки. В частности, был прочитан доклад и затем проведена дискуссия о только что появившемся из печати переводе Нового Завета на английский язык. Этот перевод, подготовленный группой ученых Оксфордского и Кембриджского Университетов, был встречен с большим интересом во всем мире — особенно в тех странах, где население говорит по-английски. В самой Англии обсуждение нового перевода вышло далеко за пределы ученых кабинетов. Почти все газеты посвятили ему обширные статьи, а некоторые из них напечатали обширные выдержки. В первые же дни были раскуплены на расхват полтора миллиона экземпляров.

На собрании Съезда — которое было пленарным и посвящалось обсуждению нового перевода — председательствовал Архиепископ Кентерберийский. Архиепископ, указав на то огромное значение, которое имеет научное обсуждение нового перевода, предоставил слово профессору англо-саксонской литературы Оксфордского Университета Рену.

Профессор Рен указав, что он не богослов, а — специалист по лингвистике, говорил о новом переводе с чисто лингвистической точки зрения. Разобрав целый ряд текстов нового перевода, он говорил о том, как меняются языки; в наше время широкие массы утратили представление о мире, который находится за пределами видимых явлений, а с этим неминуемо изменился и их язык. Современный разговорный язык почти не имеет слов, чтобы передать понятия, которыми полны языки прошлого, и которые они с легкостью передавали. Задачей новых переводчиков было дать эти понятия широким массам на понятном для них языке, но, по мнению проф. Рена, во многих местах перевода это оказалось неосуществимым: понятия просто оказались сниженными и извращенными. Проф. Рен предостерег от слишком большого оптимизма и, отдав должное переводчикам, призвал к большей осторожности в будущем.

После доклада началась оживленная дискуссия, в которой принял участие и один из православных делегатов. Он сравнил изменение языка и возникающие из-за этого недоразумения с Вавилонским столпотворением и т. н. «смешением языков», когда люди, задавшись целью взойти на небо, не были в состоянии понять друг друга в самых простых земных вещах. Попытку нового перевода он сравнил с Пятидесятницей, сошествием Св. Духа на апостолов, когда различные языки перестали быть препятствием для взаимного понимания, потому что между людьми воцарилась любовь. В наше время на международных конференциях применяются изумительные достижения, когда вы можете слышать в наушники любого оратора на вашем собственном языке: переводчик дает вам эту возможность мгновенно. И тем не менее нигде нет такого взаимного

непонимания, как именно на этих конференциях, потому что там нет Духа Пятидесятницы.

В новом английском переводе Священного Писания встречаются и одно и другое: и Вавилонское непонимание и взаимообщение Пятидесятницы. Но гораздо больше в этом переводе чувствуется дух Пятидесятницы, чем дух Вавилона с его языковыми недоразумениями. Поэтому новый перевод следует приветствовать, несмотря на все его ошибки, как большой шаг вперед к полному преодолению недоразумений, дарами Св. Духа.

Говорилось на Съезде и о других переводах. Так, католический профессор из Польши, настоятель одной из самых больших церквей в Варшаве, — о. Домбровский, специально приехавший на Съезд в Оксфорд из Варшавы, рассказал, в специальном докладе, о том, как развивалось изучение Нового Завета и переводы на разговорный язык в Польше, за последние 15 лет. По его словам, научный подход к Библии в польских католических кругах особенно стимулировала энциклика — послание — на эту тему Папы Пия XII, опубликованная вскоре после войны. Эта энциклика вызвала в Польше, как и во всем католическом мире — «новый подъем и новую веру в изучение Библии». В результате началась работа над новым переводом Библии с латинского на польский разговорный язык для широкого распространения. Перевод вышел из печати — впервые за 350 лет — в 1947 году и переиздавался затем несколько раз, с общим тиражом в полтора миллиона экземпляров. Принимая во внимание послевоенные трудности и тот факт, что за последние 15 лет было выпущено в свет большее количество экземпляров Библии на народном языке, чем за всю тысячелетнюю историю Польши, — сказал о. Домбровский. — это — огромное достижение и в религиозном и в культурно-научном отношении. Перевод употребляется для чтения в церквях во время богослужений и для домашнего употребления верующих.

Кроме того был сделан и перевод с греческого языка — специально для ученых — в научных целях. Вышло из печати семь томов толкования Евангелия, сделанного при участии профессоров католического Университета в Люблине. Остальные тома толкования находятся еще в печати. Опубликовано немало отдельных научных работ по вопросам Нового Завета, в частности, два месяца тому назад вышла из печати двухтомная Библейская Энциклопедия с библиографией по каждому предмету, составленная при участии профессоров Библейского Института в Риме и ученых профессоров-мирян Краковского Университета в Польше.

Профессор Домбровский закончил свой доклад следующими словами:

«Через пять лет Польша будет праздновать тысячелетие своей истории. Она в нее вступила с Евангелием в руках. Мы надеемся, что она вступит и во второе свое тысячелетие с той же книгой Нового Завета, полная уверенности и надежды».

Епископ Кассиан посвятил свой первый доклад разбору слова «вера». Изучая греческие тексты Нового Завета, обстановку и понятия тогдашнего времени и тот контекст, в котором употребляется в Евангелии слово «вера». Епископ Кассиан пришел к выводу, что это слово означает гораздо больше чем просто «убеждение» или «догматическую установку». Понятие «вера» в Новом Завете значит всю совокупность духовной настроен-

ности. Оно, конечно, включает и «догматическое утверждение», «убеждение», но его значение на этом не останавливается. Понятие «вера» в Новом Завете значит «уверенность, проявленная на деле», а это значит: — молитва, любовь и добрые дела. Когда авторы Нового Завета произносят слово «вера», они имеют в виду все это, вместе взятое. Если бы на Западе, во время Реформации, так понимали это слово, то никогда не возникло бы спора между католиками и протестантами о том, чем спасается человек — «одной только верой», как говорил Лютер, или «верой и добрыми делами», как говорили католические богословы — заключил свой доклад Ректор Православного Богословского Института в Париже, Епископ Кассиан.

Чрезвычайно интересен был доклад англиканского епископа Лейстерского, темой которого я закончу настоящий обзор.

Епископ Лейстерский говорил о пастырском применении Нового Завета. Он говорил о различном подходе ученых с одной стороны и обычных верующих мирян — с другой. В настоящее время нет больше непроходимой пропасти между учеными и верующими, как в 19 веке. Но разный подход к Новому Завету — есть и его избежать и невозможно и не нужно. Ученый подходит к тексту критически, верующий мирянин — с благоговением. Роль христианского священника, пастыря нашего времени, — соединить это во едино. Критическая наука теперь сама признает Новый Завет бесспорным достоянием Христианской Церкви, в недрах которой создались и были собраны в одну общую книгу все эти тексты. Поэтому современная критическая наука изучает Новый Завет не сам по себе, а в полном контексте как предыдущего, так и последующего — и Ветхого Завета, и первых веков Христианства, как нечто целое... Пастырь должен взять этот современный метод в основу. Ученый обращается к книгам, пастырь — к людям. Но ни ученый не должен забывать о людях, ни пастырь — о книгах.

На этом я заканчиваю свой обзор Второго Международного Съезда ученых, посвященного Новому Завету под именем «Новый Завет в наши дни». Этот обзор, несмотря на то, что он кажется не очень кратким, на самом деле охватывает лишь небольшую часть Съезда. Невозможно было передать все темы и все 143 лекции, доклады и сообщения. Их невозможно было все на Съезде и прослушать. Желаящий может с ними ознакомиться в «деяниях Съезда», которые будут опубликованы Берлинской Академией Наук в ближайшем будущем. А настоящий обзор, я надеюсь, даст лишь перспективу, основные темы и общий дух исключительно богатого, по своему содержанию и интересу, Съезда ученых в Оксфорде.

Протоиерей Владимир Родзянко

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ — НАША ОБЩАЯ ДУХОВНАЯ РОДИНА

Этим летом состоялось 8-е паломничество в Святую Землю, продолжавшееся 4 недели, с 21-го июля по 18-е августа. Паломники совершили на этот раз большое путешествие, отмеченное следующими этапами: Венеция, Бриндизи, Александрия (с посещением Каира), Бейрут, Амман, Иерусалим (с 13-дневным пребыванием в русской обители Воскресения Христова в Вифании), Бейрут, Истамбул, Пирей (с посещением Афин), Бари, Венеция. Возглавляемое преосв. Мефодием, епископом Кампанским, паломничество объединило в своем составе 30 человек (11 мужчин и 19 женщин), в возрасте от 16 до 78 лет. Прекрасная организация поездки, разработанной в мельчайших подробностях преосв. Мефодием и секретарем Епархиального Палестинского Комитета Е. И. Слезкиной, позволила выполнить обширную программу посещения Святых Мест, а также иных исторических мест, связанных с распространением христианства на Ближнем Востоке. Так, в Каире, паломники посетили церковь св. Сергия, являющуюся первым по времени христианским храмом Египта; в часовне, расположенной под храмом, находится пещера, в которой нашло, по преданию, приют Святое Семейство во время бегства в Египет (в настоящее время храм обслуживается коптским духовенством).

13-дневное пребывание в Вифании началось с посещения Храма Гроба Господня, с поклонением всем его святыням. За ним последовали посещения достопримечательных мест, как в Иерусалиме, так и в его непосредственных окрестностях: Гефсимании Елеона, Гробницы Божией Матери, Часовни св. первомуч. Стефана, Иосафатовой долины, Силоамской купели, дома свв. Иоакима и Анны, Лифостротона, Крестного Пути, Судных Врат и русского храма при них, и поездки на Иордан, на Мертвое Море, в Вифлеем, на Сорокодневную Гору, в Иерихон, в Самарию и Эммаус, в монастыри св. Иоанна Крестителя, преп. Георгия Хозевита, в Лавру преп. Саввы Освященного, в Хеврон, с посещением Дуба Мамврийского и русского скита при нем и т. д.

Паломники были приняты в Иерусалиме свят. Венедиктом, Патриархом Иерусалимским; при посещении Истамбула, свят. Афинагор, Патриарх Вселенский, позаботился о паломниках как о своих гостях; в Пирее они были встречены представителями Архиепископа Афинского и всей Эллады, взявшими на себя заботу о посещении местных достопримечательностей. Предпоследний день морского путешествия был ознаменован посещением г. Бари, базилики, в которой покоятся мощи св. Николая Чудотворца, и русского храма.

За те 9 лет, которые протекли со времени первого паломничества 1952 года, только два члена Р. С. Х. Движения приняли участие в паломничествах. Следует ли из этого заключить, что посещение Святых Мест не привлекает членов Движения? Тут уместно будет напомнить, что мысль о поездке в Иерусалим зародилась впервые в среде Движения в 1926 году. П. Е. Ковалевский вел по этому поводу переписку с архиепископом Анастасием Кишиневским (теперь Митрополитом), возглавлявшим в то время Русскую Духовную Миссию в Палестине. П. Е. встретил со стороны преосвящ. Анастасия полную готовность прийти на помощь Движению в этом начинании, которое он всячески одобрял и поощрял (см. Вестник Р. С. Х. Д. за 1926 год, № 4 и 6). Пред-

полагаемая стоимость поездки была определена в 1.100 — 1.200 франков того времени (в этом году стоимость участия в паломничестве была установлена в размере 1.310 новых франков). В 1926 году поездка не состоялась, на что преосвящ. Анастасий отозвался следующими словами в письме к о. Льву Липеровскому, бывшему тогда секретарем Движения: «сожалею, что Вы не нашли возможности посетить в этом году нашу общую духовную родину — Святую Землю, вверяя это неотложное дело неизвестному и, часто, неверному будущему (Вестник № 10 от 1-го октября 1926 года).

По нашему разумению, почти полное отсутствие членов Движения в составе паломничеств, объясняется только материальными причинами. Подобно тому как 1.100 или 1.200 франков были очень значительной суммой для движенцев 1926 года, в большинстве своем бывших стипендиатами различных учебных заведений, так и в этом году сумма в 1.310 новых франков (стоимость участия в паломничестве, не считая ряда дополнительных расходов), является непосильной тратой для подавляющего большинства членов Движения, не позволяющей им посетить «нашу общую духовную родину». Будем тем не менее надеяться на то, что с Божией помощью, обстоятельства изменятся в благоприятную сторону, что позволит многим движенцам выполнить то, что Архиепископ Анастасий назвал «неотложным делом».

А. Морозов.

ПРОГРАММА РАБОТЫ Р.С.Х.Д.

Ранние литургии в храме Движения, 91, rue Olivier de Serres, Paris - 15, в последнее воскресенье каждого месяца. — Начало литургии в 9 ч. утра. После литургии беседа на общую тему: «Православие и современная жизнь». Ранние литургии будут совершены: 26 ноября; 31 декабря 1961 г.

Зимний съезд Р.С.Х.Д. состоится 16 и 17 декабря в Бьевре. Программа: Христианство и искусство — читает проф. В. В. Вейдле; Священное Писание и духовная жизнь — епископ Кассиан; Проповедь Слова Божия — архиепископ Иоанн Сан-Францисский.

Публичные лекции на общую тему: «Изучение современной России». В программе: «Новые методы борьбы с Православной Церковью; Современные советские писатели (Тендряков, Евтушенко).

Кружки:

Библейский кружок (на французском языке), под руководством о. И. Мелиа, Ксении Куломзиной и Н. А. Куломзина. Собрания происходят на 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris 5, по средам в 20 час. 30 мин. Собрания состоятся: 15 ноября, 6 декабря. Тема: «La Bible éclairée par les découvertes modernes».

Литургический кружок, под руководством прот. А. Князева, в доме Р.С.Х.Д., по воскресеньям, от 15 ч. до 15.40 часов (каждое второе воскресенье месяца). Первое собрание состоится в воскресенье 12 ноября. Тема: «Дванадцатые праздники».

Кружок о Православии (на французском языке), под руководством Н. А. Струве, Е. Аристовой, А. Серикова и М. Зданкевича. Собрания происходят в Foyer des Etudiants, 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris-5°, по пятницам, в 20 часов.

Первое собрание состоится 17 ноября и будет посвящено съезду Синдесмоса и Совещанию на Родосе — читает Н. А. Струве.

Литературный кружок, под руководством И. В. Морозова. Собрания происходят в Foyer des Etudiants, 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris 5., по четвергам в 20 ч. 15 м. Доклады будет читать проф. В. В. Вейдле на общую тему: Русские поэты XIX и XX веков.

Первое собрание состоится 7 декабря.

Экуменический кружок, под руководством П. А. Струве. Первый выезд состоялся в Бьевре 1 ноября на тему: Авторитет в Церкви, Миряне и священство. Единство и разделение Церкви.

Второе собрание состоится 27 ноября, в понедельник, в 20 ч. 30, в помещении Foyer des deux ours, 1, rue Mignon Paris - 6, на тему: Церковь по учению Христа — читает Н. А. Куломзин.

Клуб Молодежи, под руководством С. Серикова. Собрания будут происходить в доме Р.С.Х.Д. один раз в месяц, по воскресеньям. Следующее собрание состоится 10 декабря, в воскресенье, в 21 ч. в доме Р.С.Х.Д. на 91, rue Olivier de Serres, Paris 15.

Кружок помощи Р.С.Х.Д., под руководством К. В. Куломзиной и при содействии всех желающих организует посещения нуждающихся во время рождественских праздников.

Зимний лагерь для детей и молодежи, в Шатель, с 21 декабря по 3 января. Справки и запись у К. А. Ельчанинова, в доме Р.С.Х.Д. (Tel.: LEC. 81-24), по пятницам от 18 ч. до 20 ч.

Работа Юношеского Отдела Р.С.Х.Д., под руководством К. А. Ельчанинова. Собрания Дружины Мальчиков и Девочек происходят в доме Р.С.Х.Д. по воскресеньям от 15 ч. до 18 часов. В первое воскресенье месяца сборов нет.

Четверговая Школа Р.С.Х.Д., под руководством прот. Виктора Юрьева. Занятия происходят по четвергам от 9 ч. до 18 часов, в доме Р.С.Х.Д.

Праздник Движения. 4 декабря, в понедельник, в 20 ч. 30 м. в доме Р.С.Х.Д. состоится встреча всех членов и друзей Движения.

Только что вышли из печати в издательстве YMCA-PRESS,
11, rue de la Montagne S-te Geneviève, Paris 5 и поступили

в продажу следующие книги:

Проф. Прот. А. Ш м е м а н

«ВВЕДЕНИЕ В ЛИТУРГИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ»

О Г Л А В Л Е Н И Е

О задаче и методе литургического богословия. Литургика и литургическое богословие. Историческая школа в литургии. Литургическое движение. Определение литургического богословия. Метод литургического богословия. Литургический кризис.

Проблема устава.

Приятие устава. Устав и Типикон. Устав и богослужебная практика. Проблема Устава: историческая и богословская. Евхаристия и богослужение времени, как основная структура Устава. Проблема времени в богослужении. Две крайности.

Проблема происхождения Устава.

Вопрос о происхождении «богослужения времени» в современной науке. Отрицание его изначальности (Дикс, Дюшен, Батиффоль и др.). Обратная теория (Дэгмор). Критика обеих теорий. Иудейская первооснова христианского богослужения. Смысл этой зависимости: старое и новое. «Литургический дуализм» иудеохристианства и его богословский смысл. Сохранился ли он после разрыва с иудаизмом? Синаксис и Евхаристия. Первохристианское богословие времени, как постулат богослужения времени. Проверка гипотезы: Евхаристия и День Господень. Часы молитвы, как первооснова суточного круга. Пасха и Пятидесятница, как первооснова церковного года.

Проблема развития Устава.

Неразработанность этой проблемы в науке. Наш подход к ней. Сущность литургического развития после IV-го века и его причины. Вопрос о литургическом благочестии, как главном факторе литургического развития. Литургическое благочестие первохристианства.

Прорыв «мистериального благочестия». Христианство и языческие мистерии. Новое переживание богослужения и его причины. Мистика храма и храмостроительство. «Священные места». Появление «внешней торжественности». Изобразительность в богослужении. Переход от «эсхатологического» переживания богослужения к «освятительному». Роль монастыря. «Литургическая ситуация» раннего монастыря. Богослужение и молитвенное правило. Место Евхаристии. Значение монастыря в византийском литургическом синтезе.

Византийский синтез.

Типикон, как синтез «мистериальной» и «монашеской» линий литургического развития. Три пласта Устава. До-Константиновский Устав. Суточный круг. Вечерня и Утреня. Их первоначальная структура. Псалмы, гимны и песни духовные. Седмица. День Господень. Суббота. Среда и пятница. Пост. Церковный год: Пасха и Пятидесятница. Второй — «мирской» — пласт Устава. Источники. Песенное последование. Эволюция церковного пения и расцвет гимнографии. Ритуальный драматизм. Развитие праздников. Почитание святых. Третий — монашеский — пласт. Включение молитвенного правила в устав Богослужения. Поклоны. Пост. Причащение. Путь синтеза: первоначальная «поляризация» и ее преодоление. Возвращение монастыря в «мир» и его роль в церковной жизни. Завершение Типикона. Лавра св. Саввы и Студийский монастырь. Уставы Иерусалимский и Студийский. Дальнейшая судьба Типикона. Общий смысл византийского синтеза.

Цена 3 доллара.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ — АД

ДАНТЕ АЛИГИЕРИ

Перевод Бориса Зайцева

с его предисловием и примечаниями.

Цена 3 доллара.

ЧИТАТЕЛЯМ «ВЕСТНИКА Р. С. Х. Д.»

«...Без преувеличения можно сказать: это — один из самых интереснейших и ценнейших журналов русского зарубежья. Передо мною последние три номера этого журнала. Приятные на вид — в изящной бежевой обложке. Журнал выходит раз в три месяца. Он умеет откликаться на «текущие события», «современность», как, например, на сотую годовщину освобождения крестьян, групповую поездку русской эмигрантской молодежи из Франции в Россию и т. д. Он дает информацию не только о таких событиях, как, скажем, проведение Толстовского юбилея во Франции, или о встрече православных и лютеранских богословов в Имсхаузене, или о съездах Р. С. Х. Д., но и о положении церкви в России.

Главное же в журнале, конечно, статьи, которые помогают читателю питать «думу долгую в душе»..

Так недавно писал о ВЕСТНИКЕ РСХД Михаил Коряков в газете «Новое Русское Слово» (1-Х-1961).

36 лет существует ВЕСТНИК РСХД и остается верным своему призванию быть журналом, где свободно звучит церковно-религиозная православная мысль, а также и «дума» русских писателей..

По сей день русские писатели — часто уже за границей родившиеся — присылают безвозмездно обильный материал в Редакцию журнала; ВЕСТНИК распространяется на всех континентах, количество страниц растет (от 48 стр. в № 55 переходит к 74 в № 61); иностранный, а также и инославный мир проявляет живой к нему интерес.. но, несмотря на столь благоприятные обстоятельства, перед Редакцией с каждым годом встают новые трудности финансового порядка: взносы верных подписчиков недостаточны, чтобы покрыть типографские расходы, ибо надо принять во внимание, что со времени окончания войны, стоимость жизни и труда во Франции беспрестанно увеличиваются.

Неужели придется встать на путь сокращения, неужели те читатели, которые любят ВЕСТНИК и понимают его особое значение, не приложат особенного усилия в 1961-1962 гг., чтобы поддержать его издание? В 1962 г. христианскому миру предстоит новое собрание своих сил: подготовка Всеправославного Пред-Соборного Совещания, Ватиканского Собора, Съездов Всемирного Совета Церквей. Крайне желательно, чтобы все эти события нашли бы должный отклик на страницах «Вестника». Верим, что наши читатели нам окажут необходимую поддержку и внесут свою подписную плату по адресу:

а) во Франции, С. С. Р. № 2441.04, Paris. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15;

б) за границей — нашим представителям.

Подписка на 1962 год: 10 новых франков.

«ВЕСТНИК»

Русского Студенческого Христианского Движения

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОРГАН РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

XXVI-й год издания.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

Во Франции: Подписную плату просим вносить на почтовый счет Р.С.Х.Д.: С.С.Р. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15.

Подписная плата на год: 10 н. ф., с целью поддержки — 15 н. ф. Подписная плата на «Messager Orthodoxe» de langue française — 10 н. ф.

в Америке: Mrs. C. P. ... 150 st. Apt. 3 W, New York

San-Francisco: ... Fran-

в Англии: ... London

в Германии: ... Al-

в Канаде: ... West-

в Швеции: ... 6.

4001376